

Сергей Герасимов

Единоборец

Сергей Герасимов

Единоборец

«Автор»

2004

Герасимов С. В.

Единоборец / С. В. Герасимов — «Автор», 2004

© Герасимов С. В., 2004

© Автор, 2004

Содержание

Часть первая: ПОБЕГ	5
1	5
2	10
3	15
4	19
5	24
6	31
7	35
8	40
9	44
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Сергей Герасимов

Единоборец

Часть первая: ПОБЕГ

1

Здесь хорошие душевые и отличная новая раздевалка, а все остальное никуда не годится. Впрочем, не такая уж и отличная: некоторые крючки уже успели вырвать. Я закрываю свой шкафчик и смотрю в зеркало, смотрю, будто хочу увидеть там что-то новое. Я никогда не нравлюсь себе в зеркале и совсем не нравлюсь на фотографиях. Не нравился, сколько себя помню. Из зеркала смотрит на меня плечистый коротко стриженный белобрысый болван с несколькими, явно декоративными, шрамами на лице. Идеальный гладиатор с мозгом маленькими, как у плезиозавра. Хотя на самом деле я не такой. Что-то я сегодня агрессивно настроен, не к добру это. На самом деле мозгов в этой живописной головешке даже больше чем нужно, нужно обычному простому человеку. Но в том то и дело, что я не обычный и не простой. Я единоборец, а вы, конечно, знаете, что это значит.

Я выхожу из раздевалки и поднимаюсь по лестнице на верхние левые трибуны. Здесь оборудовано небольшое кафе, и именно здесь у меня возьмут короткое интервью, как это обычно делают перед боем. Спорт это всегда шоу, а большой спорт – большое шоу. К сожалению, сегодняшнее шоу обещает быть весьма средним. До большого мне никогда не дорасти. Да я и не стараюсь. Это не главное.

– Это не главное, – говорю я, присаживаясь за столик. Киваю головой, и девочка приносит две микроскопические чашки крепкого кофе.

– Что не главное? – вопросительно смотрит на меня девица в больших очках. Этот тип мне не нравится: слишком черные волосы, слишком ухоженное тело, слишком яркая помада на тонких губах. Наверняка красивые ноги, но столик не позволяет их рассмотреть. Да я и так знаю.

– Ничего не главное, – отвечаю я, – просто разговариваю сам с собой.

– Вы часто так делаете? – Она включает диктофон. Две маленькие камеры, закрепленные на перилах, снимают нас в автоматическом режиме. Две – это на всякий случай, вдруг интервью пойдет в объемном формате. – Вам нравится разговаривать с самим собой?

Она скорее утверждает, чем спрашивает.

– Единоборец – это еще не значит шизофреник, – отвечаю я и пробую кофе. Отвратительнейшая гадость. Не то чтобы я большой знаток кофе, я его просто не люблю. Ничего крепкого перед боем нельзя. Не пить же мне апельсиновый сок?

Я киваю девочке и заказываю стакан сока. Апельсинового нет, приходится пить разбавленный виноградный. Я действительно люблю разговаривать сам с собой. С одной стороны, это отражение моей профессии. С другой стороны, меня просто забавляет то, как люди на это реагируют. Я уже давно вышел из того возраста, когда хочется кем-то притворяться, притворятся лучшим, чем ты есть на самом деле. Какая-то часть меня отвечает на вопросы, остальное отдыхает расслабившись. Девица в очках закуривает; суставы ее пальцев очень подвижны, пальцы гнутся во все стороны; это заметно по тому, как она держит сигарету. У меня глаз наметанный. Гибкая и скользкая очковая змея. Впрочем, мои суставы гнутся гораздо лучше: при желании я смог бы завязать любые два своих пальца узлом. Даже на ногах.

– Что? – переспрашиваю я.

– Вы меня не слушаете. Я спросила о грязном бое. Вам предлагали грязный бой?
Я ставлю стакан на стол. У меня остается еще минут пять или шесть.

– Разумеется, предлагали. Даже сегодня. Всегда найдутся люди, которые хотят увидеть грязный бой. Но, если я не делал этого до сих пор, почему я должен делать это сейчас?

– Деньги? – предполагает она.

– Не все покупается за деньги. Говоря точнее, покупается все, но стоимость некоторых сугубо личных вещей слишком велика, чтобы кто-то за них платил действительную цену.

– Во сколько вы оцениваете свою честность? – сразу же интересуется она.

– Я пока не думал о точной цифре, – отвечаю я. – Дело не только в том, чтобы обмануть несколько сот человек, сделавших ставки. Если их не обману я, их обманет кто-то другой. Не сегодня, так в другой раз. Дело в партнере. Я не стану его убивать, потому что схватка всегда остается неравной – у него нет возможности убить меня. И еще потому, что он хочет жить не меньше, чем я. Жизнь дороже денег, даже если это чужая жизнь.

– Это ваш лозунг?

– Нет, это просто набор звуковых колебаний.

Я встаю. Интервью окончено.

– Вы когда-нибудь убивали? – спрашивает она вдогонку, но я не отвечаю. Пусть придумает ответ за меня. Или что-то вроде этого: «Он отказался честно признать, что...» Дальше может идти любая чушь.

В зале включили музыку, какая-то бравурная песня обрушивается на меня из огромных колонок под потолком. Звуки отражаются от стен, накладываются друг на друга, интерферируют в жуткую какофонию, в песне не разобрать ни слова. Манеж здесь большой и крайние динамики висят метрах в сорока друг от друга. Слева от меня – яма с песком, кажется, для тройного прыжка, там же высокие стойки для прыжка с шестом. Множество матов. Вдалеке за сетками угадывается батут. Передвижную арену установили в центре зала. Как всегда, освещение слишком яркое и плохо направленное. Стоит поднять глаза, как натыкаешься на слепое пятно прожектора. Но все это чепуха. Работа как работа. Прямо над ареной, на высоте метров десять, левитируют несколько автоматических видеокамер. Такие появились только в последние годы и до сих пор стоят очень дорого. Они имеют встроенный антигравитационный генератор и квазиинтеллектуальную систему, позволяющую им снимать самостоятельно, безо всякого участия оператора. Это довольно удобно, хотя антигравитация это вещь ужасно ненадежная, при нашем уровне технического развития. Иногда камеры просто падают.

С другой стороны появляется мой партнер. Внешне он неотличим от меня. Он похож на меня больше, чем был бы похож мой настоящий брат близнец. Мой партнер одет так же, как и я, и так же подстрижен. Когда начнется бой, зрители не будут знать, кто из нас кто. Да это и не важно, потому что он это я, а я это он. В этом суть настоящего единоборства. Настоящее единоборство – это не борьба с противником, а борьба с самим собой. Я и мой противник едины.

Конечно, между нами есть отличия. Импульсы от моего мозга гораздо раньше достигнут моих мышц, чем мышц моего партнера. Поэтому его движения будут отставать от моих почти на полторы сотых секунды. Это очень много для настоящего боя. Чтобы скомпенсировать этот недостаток, его мышцы сделаны гораздо более сильными, чем мои. Его собственные реакции настроены гораздо точнее.

Звучит гонг, и мы становимся спинами друг к другу. Судья подсоединяет тонкий гибкий шнур к разъему в моем позвоночнике, на пояснице. Слава Богу, выключили музыку, а то так можно и оглохнуть. Прямо передо мною, в среднем ярусе окон, выбито стекло. Туда влетают два воробья. Ветер заносит снежинки, белые искорки серого дня, которые сразу же исчезают.

Контакт подключен и с этого момента мы с партнером – единое целое. Его тело управляется моим мозгом. Мои волевые импульсы через контакт в позвоночнике и через соедини-

тельный шнур заставляют двигаться его мышцы. Максимальная длина шнура – около восьми метров, он вытягивается и сокращается в едином ритме с нашими движениями.

Я делаю первые шаги по упругому пластику арены. В первые секунды после подключения наши тела двигаются неловко, мозгу нужно время, чтобы настроиться. Я люблю это ощущение, ощущение начала боя. На самом деле оно чисто психологическое: ощущение некоторой свободы, возможности, неясной и в то же время совершенно осязаемой перспективы. Это трудно объяснить, это как в детстве, перед тем как разбежаться и прыгнуть в реку. Скорее всего, это идет из детства, тянется оттуда как шлейф, как огромный хвост маленькой кометы: когда я впервые вышел на арену, меня было всего шесть лет. И тогда я чувствовал то же самое, что и сейчас. Один в один. Меня всегда интересовало, что чувствует партнер перед боем, и похожи ли его чувства на мои. Единственное, что я знаю – он боится боли и смерти не меньше, чем обычный человек. У него нет нормального мозга, есть лишь система, позволяющая имитировать несложные человеческие движения и слова. На самом деле его тело – всего лишь машина. До тех пор, пока в нее не войдет моя воля. Черт! Я чуть было не пропустил удар.

Я уворачиваюсь и начинаю кружиться вокруг партнера. Наши с ним тела чудесно приспособлены к бою, наши суставы гнутся в любую сторону, наши кости могут быть гибкими, как резина или прочными, как сталь. Наши движения фантастичны и совершенно непохожи на позы и удары древних боевых систем, которые создавались для простого, не усовершенствованного человеческого тела. То был каменный век боевых искусств, век, в котором еще не существовало даже идеи настоящего единоборства. Я выбрасываю когти и оставляю четыре рваных полосы на коже партнера. Просто царапина, я зацепил его совсем не глубоко. Несколько человек радостно заорали на верхнем ярусе. Почему людям всегда нравится боль и смерть?

Я ощущаю его боль, как свою собственную, ведь болевые импульсы направляются в мой мозг. В левое полушарие. Там есть довольно большая зона, полностью занятая партнером. Конечно, я могу мгновенно отключить болевую чувствительность, но предпочитаю этого не делать. Боль подстегивает, не дает расслабиться, концентрирует внимание, если она не слишком сильна. Но ведь боль во время боя никогда не бывает сильной, ее гасит азарт схватки. Многие думают, что мозг единоборца отличается от обыкновенного мозга только тем, что оба полушария работают независимо. На самом деле все гораздо сложнее. Если бы дело обстояло так просто, то моя правая рука не знала бы, что делает левая. Мой левый глаз не знал бы, что видит правый глаз. Но ничего похожего не происходит. В моем мозгу на самом деле умещаются две личности, но это разделение очень сложное, на уровне отдельных нервов, клеточных ассоциаций, отдельных синапсов и временно возникающих нервных цепей.

Я пытаюсь провести атаку на его колено, но действую не слишком быстро. Колено можно довольно легко повредить, если только знать как. Естественно, что в нем нет коленной чашечки, зато есть восемь свободно двигающихся пластинок, которые служат упорами при всех вариантах сгибаний и разгибаний. Эти штуки работают с частотой и точностью клапанов в хорошем моторе. Если у меня получится выбить одну или две из этих пластинок, то партнер станет двигаться медленнее и потеряет сразу несколько степеней свободы. А потеряв четыре пластинки, он вообще не сможет опереться на ногу. Тогда я его добью, добью не сразу – из осторожности и чтобы доставить удовольствие зрителям.

Я ныряю, чтобы повторить атаку на колено, но он умно уходит вправо. Умно, потому что теперь прожектор светит мне прямо в лицо. На какую-то долю секунды мои глаза до краев заполнены зелеными бликами. Эти сволочи поставили блок из двадцати четырех ламп, три ряда по восемь. На сиреновом дне моих глаз – их круглые цветные отпечатки. Молодец, партнер, он ведь знает все то, что знаю я. Он знает, что мне не по карману настоящие спортивные глаза, с кварцевой сетчаткой. Эти, которые я поставил себе всего два дня назад, полуавтоматические, с периодом запаздывания в семь сотых секунды. Они хорошо работают в темноте, и отлично глючат при слишком ярком свете. Что мы и имеем, во всей красе.

Он бросается на меня, делая боковое сальто сверху. При этом все четыре его конечности движутся так, что предплечья и голени описывают двойные инерционные петли, все в разных фазах. Я не могу видеть его пальцев, потому что скорость их движения приближается к скорости звука – это эффект щелчка кнутом, пальцы движутся так же, как кончик длинной плети. Эта скорость выше разрешающей способности моих глаз: все режуще кромки, выдвинутые из пальцев, невидимы, как лопасти вращающегося самолетного винта.

Но во всем есть свои минусы, даже в петлевой атаке сверху: ты все равно не сумеешь упасть быстрее, чем позволяет земное притяжение. Поэтому я успеваю сделать рывок в сторону.

Падая на пластик за моей спиной, он вцепляется в покрытие арены с помощью тормозных лезвий, которые выдвигаются из запястий. Он должен остановить вращение, иначе его просто унесет, как бешено вращающееся колесо. Лезвия с хрустом рвут покрытие, это позволяет мне ориентироваться на слух, ведь я еще не развернулся для удара. Я решаю атаковать спиной, но в этот момент моя нога скользит: пластиковая чешуя арены покорибилась и ее сцепляющая способность упала на несколько порядков.

Настоящее боевое покрытие имеет коэффициент трения равный бесконечности: оно постоянно выдвигает микроволоски, направленные под нужным углом, и эти волоски не позволяют скользить. Но при обширных повреждениях правильный угол наклона может теряться. Моя нога скользит, и я теряю равновесие. Мне не остается ничего, кроме обманного сальто назад, но партнер разгадал мой финт. Он атакует крючьями правой руки и полностью срывает мне левую грудную мышцу. Мышца повисает, как грудь старой девы, она полностью отделена от ребер. Теперь на моей левой руке исправно работают лишь разгибатели. Я отвожу ее за спину. Она все еще остается опасным оружием. Кровотечение уже почти прекратилось.

Все крупные сосуды моего тела имеют множество клапанов, которые могут перекрыть просвет в любом месте. Как бы глубоко меня не ранили, я все равно не истеку кровью. Даже если мое сердце перестанет биться, клапаны сосудов смогут самостоятельно проталкивать кровь еще несколько часов. Мое тело надежно настолько, насколько вообще может быть надежно человеческое тело. Но всему есть предел.

Сейчас я был на волосок от поражения. Атака на левую грудную мышцу – одна из самых опасных. Оторванная мышца еще ничего не значит, я могу сражаться и без нее. Атака направлялась на область сердца.

Я вижу короткое телескопическое жало, которое то втягивается, то выдвигается из правого кулака партнера. Это жало, оснащенное обратными стопорящими чешуйками, должно было войти между моих голых ребер. Тогда трехметровая гибкая и очень быстрая стальная змея проникла бы во внутреннее пространство моего тела. Она бы двигалась быстро, как пуля со смещенным центром тяжести и превратила бы в лохмотья большинство моих жизненных органов. Всего пару секунд – и я бы проиграл. Конечно, такая штука не смогла бы меня убить, но, поверьте мне, ощущение не из приятных. Со мной это случилось пару раз, и я не хочу повторения. К счастью звучит гонг.

Перерыв будет длиться две минуты. Арену приводят в порядок на скорую руку, снова включается музыка, и снова та же самая. Полуголая девчонка с упругим задом ходит по кругу, поднимая плакатик. Две минуты это слишком мало. Для начала я отключаю боль. Она очень сильна и мешает сосредоточиться. Я сдираю майку и быстро осматриваю повреждение. Ничего, могло быть и хуже. Мышца действительно оторвана от ребер, но продолжает держаться за счет кожного мешка. Я прикладываю ее на место и прижимаю пальцами по краям. Сейчас главное, чтобы схватились края. Если края схватятся, мышца прирастет на место. Для этого нужно минимум три минуты. У меня остается лишь полторы. В спешке я неправильно прижал верхнюю долю. Если она прирастет так, что вполне возможно, то будет выглядеть слишком уродливо. К тому же, это помешает свободе движений. Придется срезать ее еще раз. Я прини-

маю мгновенное, хотя и не самое лучшее решение: быстро срываю верхнюю долю, пока она не прилипла окончательно, и устанавливаю ее со всей возможной тщательностью. Здесь не стоит тянуть, мышца уже холодна как мертвое мясо, в ней совсем не осталось крови. Да, медицина не мой конек, я редко когда делаю что-нибудь с первого раза. То есть, редко когда делаю хорошо, особенно редко в спешке. Но, кажется, края прилипли. Я осторожно приоткрываю просвет сосудов, кровавые сгустки пузырятся по границе разрыва, но сильного кровотечения нет. Может быть, обойдется. Собственно, мне нужна всего лишь минута. Еще одна. Звучит гонг и начинается второй раунд.

На самом деле мне ничего не грозит. Партнер не может убить меня: мы с ним едины, и моя смерть означала бы его собственную. Самое больше, что он может сделать, это вывести меня из строя. Поэтому единоборство никогда не бывает справедливым. Время от времени партнеры гибнут. С этим ничего не поделаешь, как и с большинством несправедливостей жизни. Но они созданы так, что станут цепляться за жизнь до последней возможности. Тело моего партнера еще более надежно, чем мое. Но я знаю, как его убить, и он знает, что я это знаю. Поэтому я имитирую атаку на его лицо. Теперь он будет более осторожным.

Единственный способ его убить – это уничтожить центры регенерации. Мои крючья касаются его лица, и на трибунах поднимается вой. Всегда приятно иметь понимающих зрителей. Партнер уходит, отодвигается на максимальную длину шнура. Я всего лишь сорвал ему два клочка кожи на щеках, но мы с ним понимаем, что это значит. В черепе партнера есть несколько пустот, куда вставлены устройства регенерации. Стоит мне повредить эти устройства – и любая серьезная рана или разрыв органа смогут стать смертельными. Сейчас я показал ему, что я собираюсь сделать.

Но на самом деле мне всего лишь нужно выиграть время. Пока что я не могу полноценно работать левой рукой, потому что мышца может оторваться. Сейчас она уже довольно плотно приросла, но я не хочу рисковать. Наша борьба приобретает позиционный характер. Мы кружимся, делаем небольшие выпады, обманные движения и довольно сложные прыжки. Сложные, с точки зрения их внутренней сути. Сейчас наш бой больше напоминает игру в шахматы, чем физическую борьбу. Зрители притихли. Большинство из них не понимают, что происходит.

Любой настоящий бой – это борьба с самим собой. Каким бы спортом ты не занимался, да что там спортом, какой бы жизнью ты ни жил, все что ты можешь сделать в этой жизни стоящего – это победить самого себя. Любая другая борьба это всего лишь бледное отражение этой, единственно реальной. Каждая победа над собой это еще одна ступень вверх. А движение вверх это единственный смысл наших жизней. Поэтому и так популярно единоборство. С его появлением люди почти перестали интересоваться всеми другими видами борьбы. Бокс, ушу, айки-дзюцу, и все, все остальное подобное этому отошло в историю, вместе с каменными топорами, медными наконечниками стрел и кремниевым огнем.

2

Я побеждаю лишь в шестом раунде. Побеждаю так, как и планировал с самого начала: ломаю партнеру колено. Мне удалось сразу выбить пять из восьми пластинок, и судья остановил бой. Кость сломана как минимум в двух местах и множество связок порвано. Такую кость, как наша, сломать не просто, но я умею это делать. Наши с партнером колени имеют столько связок, что они словно оплетены паутиной. Сейчас в паутине большая дыра. Конечно, все поправимо, но в данный момент партнер абсолютно небоеспособен. Ему с трудом удается подняться. Теперь, когда бой окончен, я могу подсоединиться со стороны к его части мозга. Я пробую сделать это и сразу же ощущаю боль, такую сильную, что меня начинает тошнить. Отключаем. Вот так, хорошо. Я смотрю в глаза партнера, и он отвечает мне взглядом. Человеческие глаза это идеальный интерфейс. Одним взглядом можно сказать так много, сколько не вместится и в пухлые тома книг. Мы с партнером идеально понимаем друг друга, мы умеем читать взгляды.

– Спасибо, – тихо говорит он, так тихо, что я слышу лишь движение губ. Скорее вижу, чем слышу.

После боя мы направляемся в раздевалку. Партнер опирается на мой локоть, ему тяжело идти.

– Сегодня мне снова предлагали тебя угрохать, – говорю я. – Как всегда.

Я привык общаться с партнером, как с равным, даже тогда, когда он отключен. Этому нас учили еще в самом начале. Это что-то вроде кодекса чести единоборца. Партнер такой же человек, как и ты. Несмотря на то, что на самом деле он биомашина, которая большую часть своего времени проводит во сне.

– Это в третий раз? – уточняет он.

– В четвертый.

– Те же самые люди?

– Да черт их знает. Скорее всего.

– Сколько они давали?

– А тебе какая разница?

– Интересно, сколько я стою.

– Немного, гордиться нечем.

Я вспоминаю человека, который делал мне предложение. Небольшого роста, юркий, скользкий. Тонкий и быстрый, как угорь. Наверняка сам бывший спортсмен. Но не единоборец, потому что своих я хорошо знаю.

Мы заходим в раздевалку, и я помогаю партнеру лечь на скамью. Нога, честно говоря, выглядит страшненько. Но у меня с собой всегда дежурный набор инструментов. Я разрезаю кожу вдоль голени и бедра, вверх и вниз сантиметров на пятнадцать. Партнер издает сдавленный стон. Несмотря на то, что их тела прекрасно поддаются ремонту, партнеры не умеют отключать свою боль. Поэтому схватка для них всегда означает настоящее испытание. Ничего, потерпишь. Две пластинки разбиты, три просто вырваны и болтаются на обрывках связок. Сломанная кость уже успела срастись за те минуты, которые прошли после боя. Я проверяю, кажется, срослась правильно.

Сейчас главное – не перепутать оборванные концы. Несколько связок я соединяю сразу, несколько самых больших. С мелочью так просто не разобраться. Приходится использовать биотестер. Я соединяю наугад несколько волокон и проверяю контакт тестером. Кажется, я угадал. Почему бы и нет? – мне не раз приходилось делать подобные операции.

– Как оно? – спрашиваю я.

– Терпимо, – отвечает он.

– Уже все в порядке. Через пять минут сможешь ходить. Но мне не нравятся твои мениски.

– Ерунда, они всегда были такими.

– Вот это мне и не нравится.

На самом деле он сможет встать даже раньше, чем через пять минут. Честно говоря, я не представляю, как люди могли жить, точнее, существовать до изобретения быстрой регенерации тканей. Когда обыкновенный перелом мог зарастать месяц или больше. Сейчас быстрая регенерация совершенно изменила нашу жизнь. Я имею ввиду жизнь всех людей, а не только мою. Заживление идет так быстро и так качественно, что каждый может без труда удалить себе гланды или аппендикс. А если он, по незнанию, случайно удалит что-нибудь не то, тогда недостающая часть отрастет самостоятельно. И это займет совсем немного времени. Если у вас больная почка, то не мучайтесь, а вырезайте ее. Через час вырастет новая, совершенно здоровая. Мелочь, а приятно. Простота хирургических операций настолько упростила технику трансплантации, что появилась возможность здорово усовершенствовать человеческий организм. Если вам не нравится устройство ваших суставов, возьмите скальпель и измените его. Вы можете резать и клеить ваше тело, как листок бумаги. Конечно, на самом деле никто так не делает. Усовершенствование организма всегда доверяют специалистам. Существуют распространенные удобные схемы, модели человеческих тел, такие же, как модели автомобилей. И так же, как модели автомобилей, они стоят по-разному. Вы можете иметь почти все, если у вас есть достаточно денег.

Сейчас мы можем лишь представлять себе все ужасы медицины прошлого: гофрированные шланги адских машин, вдувающих стерильный воздух в твои беспомощные легкие, капельницы, вонзившие свои хоботки, как громадные голодные клещи, остановившиеся взгляды родственников, глядящих на хирурга, как грешники на господу в день страшного суда, зеленые халаты и хирургические перчатки до локтя, анестезиолог, который вечно в отпуске или на больничном, холодильник, полный пробирок с коричневой кровью.

За моей спиной открывается дверь, и несколько человек входят в раздевалку. Мне не нужно поворачиваться, чтобы понять, кто они такие. Раздевалка представляет собой довольно просторное помещение без окон, стены изнутри обшиты деревом. Есть три двери, одна ведет в душевую, вторая – в туалет, третья в холл, а там всего метров десять до выхода на улицу. Разумеется, ни в душе, ни в туалете окон тоже нет. Четыре человека за моей спиной остановились у третьей двери, чтобы перекрыть мне выход. Я знаю, что драться здесь бесполезно: мои руки и ноги это ничто, по сравнению с тем оружием, которое есть у них. Но четверо – это слишком много. Это даже странно. В таких случаях обычно приходит парочка тупых быков и сразу же начинает стрелять. Любые другие меры воздействия на единоборца не действуют. Не могут же они, в самом-то деле, отбить мне почки или переломать пальцы? Тогда почему их четверо?

– Я их задержу, – тихо говорит партнер.

– Может быть, это не так серьезно, – предполагаю я.

– Это должно было случиться рано или поздно, правда?

– В паскудное время мы живем, друг, – говорю я и партнер улыбается.

Они не станут его убивать. Во-первых, потому, что это сложно и долго. Во вторых, потому, что в этом нет смысла. Для них он просто говорящая машина.

Я оборачиваюсь и вижу два ствола, направленные мне в лицо. А может быть, это и на самом деле не так серьезно. Ну, припугнут они меня, подумаешь, не в первый же раз и не в последний. Ну, прогонят из города, так я же все равно вернусь. Одним несговорчивым единоборцем больше или меньше, какая разница? Впрочем, с их точки зрения разница есть. Я делаю шаг по диагонали, так, чтобы оказаться одновременно и ближе к ним, и ближе к боковой двери. Партнер сразу же получает возможность для атаки. Один из вошедших поднимает ствол. Понятно. Такая штука выстреливает несколько тысяч вращающихся лезвий. Это вам не

примитивная разрывная, или какая там она была, пуля двадцатого века. Эти лезвия сделают из меня фарш.

- Я хочу поговорить, – предлагаю я.
- Все уже сказано.
- А по-моему, еще не сказано ничего.
- Все уже сказано, – монотонно повторяет он.

Восхитительно тупая рожа, о такой поэму можно написать. Жаль, что я не Пушкин. И где только они берутся?

Сказано, так сказано. Того, кто предлагал мне грязный бой, сейчас с ними нет. Эти просто безмозглые боевики. Если по-хорошему, я давлю таких одним пальцем, а потом вытираю палец платком. К сожалению, они ничего не решают и не умеют вести переговоры, по причине скудости словарного запаса. Значит, сейчас слово за мной.

Наши с партнером тела выстреливают одновременно. Иначе как выстрелом это не назовешь. Партнер сбивает с ног двоих боевиков, а я вышибаю дверь в душевую, слегка повредив плечо. Вскарabкиваюсь по трубе и высаживаю пластиковый квадрат потолка. Сейчас я в подсобном помещении, из которого наверняка есть выход на улицу. Здесь полно старых шкафов и они мешают мне двигаться. Сзади слышится выстрел, затем второй. Что-то обжигает мне спину. Попали, все-таки. Тяжело дышать и на губах привкус крови. Прострелили легкое, это уж точно. Этого еще не хватало. Я выбиваю еще одну дверь, которая оказывается фанерной. Теперь меня отделяет от улицы лишь тонкое стекло. Тонкое, но прочное – наружные стекла в таких зданиях пуленепробиваемы. Один из бандитов передо мной. Видимо, он заранее стоял здесь, чтобы в случае чего, преградить мне дорогу к выходу. Но все произошло слишком быстро. Так быстро, что он не успел вытащить пистолет. Я прыгаю на него, вырубая, переворачиваю и тащу за собой. Несколько пуль попадают в этот живой щит. Ничего, оклемается, сердешный. Надеюсь, ему заплатят за вредность.

Я пока не собираюсь делать ноги. Меня волнует судьба партнера. Наружный вход в раздевалку за углом. Уж точно они не ждут, что я вернусь. Я распахиваю дверь, но раздевалка пуста. Их нет. Партнер на полу, продырявленный как решето. Крови не много. Он пока в сознании.

- Мальчики были очень сердиты? – спрашиваю я.
- Хуже не бывает, – отвечает партнер. – Они тебя убьют.
- За что? – удивляюсь я.
- Я не знаю. Они не те, за кого себя выдают. Ты заметил?

– Ага, похоже. Ладно, выздоравливай. В тебе всего лишь две дюжины дыр. Или три. Такая мелочь, что обойдешься без медицинского вмешательства.

- Я знаю, – отвечает он.
- Тогда пока.

Я переворачиваю его и нащупываю сквозь кожу выключатель, который вмонтирован с левой стороны четвертого шейного позвонка. Одно глубокое нажатие и партнер засыпает. Надеюсь, он проснется здоровым. Так и будет, если только выстрелы не повредили центры регенерации. А вот теперь надо бежать.

Я выскакиваю наружу, сбив по пути пару человек. Любопытные уже начали собираться на звук выстрелов. Разумеется, огнестрельное оружие не запрещено, но его применение расценивается как хулиганство или тяжелое оскорбление. К тому же, следы пуль портят внешний вид стен. Стены способны восстанавливаться самостоятельно, но им потребуется несколько дней, чтобы зарастить повреждения. Кремнеорганика, как известно, растет медленно.

Еще один бандит бросается мне наперерез и всаживает еще несколько пуль в упор. Кажется, снова прострелил легкое. Я на ходу отрываю ему кисть, вместе с пистолетом. Теперь одно из моих легких полностью вырубилось и я не могу быстро бежать. Полный рот крови, приходится выплевывать. Но, для того, чтобы меня убить, нужно очень много пуль.

Автомобиль стартует прямо на меня, но здесь они погорячились: с обеих сторон дороги растут каштаны, и я, конечно же, успеваю спрятаться за ствол. Пока они разворачиваются, я перепрыгиваю через забор и оказываюсь на улице, в двадцати шагах от станции метро «Сабурово». Это довольно помпезное сооружение, как и большинство центральных станций. Дорогу припорошило снегом, и впервые я ощущаю холод. Не помню, какое точно сегодня число, но примерно двадцать пятое ноября. Температура – около нуля, плюс ветер. Я босиком, в легких спортивных трусах и в майке, пробитой пулями и заляпанной кровью. С легкими совсем плохо. Приходится включать дополнительный кислородный генератор, который вмонтирован как раз посередине между моими легкими – это маленький металлический предмет, прилепившийся над самой аркой аорты. Его запаса хватит максимум на два часа. Если я буду бежать, то всего минут на сорок. У меня есть еще один такой же, он вмонтирован в хвосте поджелудочной железы. Я поставил его себе шесть лет назад и с тех пор еще ни разу не использовал.

Время работает против меня. Для того, чтобы добраться домой, мне нужно сделать две пересадки: вначале на центральную линию второго уровня, а затем на местную. Теоретически, я сейчас нахожусь в центре Москвы, но центр этот растянулся примерно километров на восемьдесят: центром считается все, что внутри Аэрокольца. Современная Москва это примерно триста местных линий метро, сорок две центральных плюс множество глубоких, скоростных линий. Сейчас население земли – около ста семидесяти миллиардов. Практически все эти люди живут в городах. Крупнейшие города прошлого века – всего лишь мелкие поселки по сравнению с нашими мегаполисами. Москва, этот исполинский город тянется на несколько сотен километров в каждую сторону, а потом сливается с другими крупными городами. К центру города сходятся четырнадцать радиальных магистралей, каждая из которых разделена на восемьдесят отдельных полос. Магистрали соединяются четырнадцатью кольцами, некоторые из которых еще сохранили исторические названия. Сельских территорий в наше время стало гораздо меньше, чем городских. И большинство из них занято хвойными лесами.

У меня нет денег на билет, поэтому приходится действовать быстро. Я разбиваю переднее стекло роботу-контролеру и выдергиваю все провода, которые успевают захватить мои пальцы. Надо будет заняться плечом, оно продолжает болеть. Пока меня никто не преследует. Возможно, они собирались лишь хорошенько припугнуть меня и заставить убраться из города. Может быть, я и уеду, ведь выступать здесь мне больше уже не дадут. Поживем – увидим. Включается сирена.

Я спускаюсь на платформу и решаю дождаться поезда, несмотря на то, сирена продолжает орать. Еще минута или две – и появится служба охраны метрополитена. Положим, они меня задержат, ну и что же? Я ведь не преступник. Максимум, в чем я виновен, это в повреждении робота.

Несколько человек в черной униформе уже спускаются по лестнице. В этот момент открываются двери подкатившего поезда. Я захожу, вместе с толпой, которая сразу же маскирует меня. Я уже сталкивался с милицией несколько раз, были мелкие проблемки. Я не хочу, чтобы мне это припомнили.

Я сажусь и сразу же пачкаю кресло кровью. Понятно. Уже давно пора менять заряд в системе регенерации. Слишком большая нагрузка. Дома у меня осталась всего одна полная батарея, я хотел ее побереечь. Но после такого дня, как сегодняшний...

В вагоне включено радио. С тех пор, как поезда стали бесшумными, радио работает постоянно. Идут рекламные передачи вперемешку с новостями. Сейчас передают репортаж об очередном испытании большого антигравитационного генератора. Вчера я видел эту жутко неудобную штуку в новостях. Может быть, это и впрямь техника будущего, но пока что эта громадина едва может сдвинуть с места несколько бетонных блоков. Пройдет еще, наверное, лет сто, пока люди сумеют построить что-нибудь вроде настоящего антигравитационного ранца,

надевать его на плечи и летать с ним на природу, за город. Сегодняшнее испытание идет ни капельки не успешней, чем вчерашнее. Антигравитация нам пока не по зубам.

Люди справа и слева от меня встают и пересаживаются. Я бы сделал то же самое на их месте. Наверняка я выгляжу ужасно. Но это меня не очень волнует. Проблема в другом.

Я терпеть не могу ситуаций, которых я не понимаю. То, что произошло сегодня, было нереально, было невозможно. Я не тот человек, на которого нужно охотиться всемером или вдесятером. При всем моем уважении к себе приходится признать, что я слишком мало значу. У меня нет больших денег, у меня нет влиятельных друзей или родственников, я не знаю никаких тайн. Я никому не мешаю. Самое большее, что из меня можно было бы выбить – это нечестный бой. Но никто не станет затевать такую возню, как сегодня, из-за подобной мелочи. Тогда что же случилось? И чего мне ждать? Раз я не понимаю ситуации, я и предположить не могу, что случится дальше. Ехать ли мне домой, или опасаться засады? Что от меня хотели на самом деле? Если меня действительно хотели убрать, то для чего? Кому, в самом деле, я мог помешать? На все эти вопросы нет ответа. Единственное, в чем я уверен – дело не в том, что я не согласился драться по их правилам. Тогда в чем же? В чем?

Я знаю не мало историй, случавшихся с людьми моей профессии. Чаще всего моих коллег принуждали к грязному бою, иногда их пытались использовать как боевиков, в особо сложных случаях. Там, где обычные быки не могли справиться. Но ведь нужно понимать, что такое настоящий единоборец. Это профессионал. Это человек, который с детства приучен бороться с собой и побеждать себя. Побеждать свой страх, свою слабость, свое малодушие, свою жадность. Побеждать боль, какой бы сильной она ни была. Я тренируюсь с пяти лет, я начинал очень давно, но прекрасно помню первые месяцы тренировок. В начале не было никаких физических упражнений, была только тренировка воли. Воля, воля и еще раз воля. Воля может все. Воля важнее силы. Умение подчинить себя себе. В этом, и только в этом, сущность настоящего единоборства. И до сих пор одну тренировку из трех я посвящаю своему внутреннему развитию. Я уверен, что нет такой ценности на земле, за которую можно меня купить, нет такой пытки, которая может меня сломить, нет такой воли, которая может меня принудить. То же самое может сказать о себе любой профессиональный единоборец. На нас бесполезно давить. На нас можно только убить или на время отодвинуть в сторону. Похоже, что кто-то еще этого не понимает.

3

Пока я раздумываю обо всем этом поезд подъезжает к пересадочной станции «Фрязино». Здесь местная линия заканчивается и мне придется спуститься на внутреннюю линию второго уровня. «Красноармейск – Бекасово». Линии второго уровня идут на разных, и обычно глубоких, горизонтах. Здесь поезда движутся намного быстрее, а остановки случаются реже. Хотя и не так редко, как на настоящих скоростных линиях.

Вниз тянутся десятки эскалаторов, длинных, как гигантские кишки. Кроме того, есть три общих лифта, которые постоянно движутся вниз и вверх. Эти челноки берут несколько сот человек за один раз. В часы пик все перегружено – и лифты, и эскалаторы, но сейчас несколько движущихся лестниц совершенно пусты, и это мне на руку. Я слишком привлекаю внимание своим видом. Конечно, кого только не увидишь в метро. Но такой окровавленный и полуголый бродяга – это уже слишком. Я спокойно добираюсь до первой пересадочной платформы, испугав своим видом разве что полуслепую старуху, которая ехала метрах в двадцати впереди меня.

Здесь людей уже больше, но не так много, как на платформе основной станции. Но все занято своим делом и не обращают друг на друга внимания. Здесь можно найти автоматы по продаже чего угодно, и одежды в том числе. Меня интересует недорогая разовая одежда. В автомате можно заказать и отличный костюм, и меховое пальто – сканер визуально проверит точные пропорции вашей фигуры – а потом автомат подберет или изготовит именно то, что будет на вас лучше всего смотреться. Но я не миллионер, чтобы тратить деньги на ненужные вещи, поэтому собираюсь купить что-нибудь одноразовое.

Захожу за угол и нахожу нужный автомат. Он очень удобно стоит – как раз за перегородкой, которая закрывает будочку срочной видеосъемки. Место довольно укромное, но оно уже занято: на скамье целуется парочка. Полная девица обнимает небритого парня крупной комплекции, хихикает и твердит ему о том, какой он смешной. Оба уже приняли на грудь, девушка вообще расплывается, парень держится.

– Гуляй отсюда, – говорит он мне. Интересно, за кого он меня принимает? Вид-то у меня страшный. Не иначе, как за безобидного сумасшедшего. Но это его проблемы, а мне нужно обуться и накинуть что-нибудь на плечи. Поэтому я не обращаю на него внимания. Подхожу к банковскому терминалу и кладу ладонь на шершавый полупрозрачный коричневый пластик. Несколько секунд уходит на сканирование линий моей ладони, после этого на экране загораются строки: деньги на моем счету, список последних двадцати покупок, мои финансовые обязательства, несколько рекламных надписей и еще всякая мелочь.

Деньги в виде бумажек уже дано практически не существуют, хотя теоретически, ими можно расплатиться в любом месте. Несколько мелких монет лежат у меня дома, я их использую как сувениры. Бумажку в двадцать рублей я однажды держал в руках, и я запомнил, что она была приятна на ощупь. Остальные купюры я даже никогда не видел. Они совершенно не нужны в эпоху электронных денег.

Я просматриваю информацию на экране и не нахожу ничего интересного. Вообще говоря, строки на экране – это каменный век. Обычно я, как и большинство людей, пользуюсь НН-интерфейсом, который включается автоматически, но только в том случае, если поблизости нет посторонних. Считается, что каждый человек имеет право хранить в тайне свои финансовые дела, а НН пользуется голосом.

Проведя пальцем по экрану, я выбираю раздел обуви, затем просматриваю список моделей. В этот момент девица заявляет парню, что я мешаю, и вообще, веду себя очень нагло. Парень подходит ко мне сзади, с явным намерением показать, кто здесь главный.

– Не советую тебе, – говорю я, продолжая выбирать модель. Наконец, нахожу дешевые, всего за три пятьдесят. Одноразовая обувь отливается сразу по твоей ноге, на ее изготовление уходит несколько секунд, потому она и стоит так дешево.

Судя по звуку, парень достал нож. Я отчетливо слышу, как щелкнуло лезвие. Нож в наше время перестал быть оружием убийства, хотя по-прежнему может причинить сильную боль. Если тебя пырнут ножом, это не значит, что твой обидчик совершил преступление. Ножевые раны затягиваются за несколько минут. Фемида не будет возиться с такими мелочами. На самом деле в школах несовершеннолетние ребята режут друг друга каждый день. Но в этот раз я начинаю сердиться. В конце-то концов, и у меня есть нервы.

Он берет меня за плечо и разворачивает, притягивая к себе. При этом он рассчитывает наколоть меня на лезвие, как бабочку на иглу. Я аккуратно перехватываю его руку, ломаю запястье и поворачиваю нож. Он охает и падает на колени. Я хлопаю его по щеке.

– Я же говорил, что не надо. Почему же ты не послушался.

Девушка вынимает из сумочки пистолетик. Дамская модель, шестнадцатизарядный, с парализующими пулями.

– Подожди, – говорю я, – я сначала обуюсь. Ноги-то мерзнут.

Опускаю ногу в ящик, который уже услужливо выдвинут вниз, и чувствую приятную теплую мягкость: ступня покрыта полимерным составом, который уже начал высыхать, превращаясь в довольно удобную обувь. В такой обуви нет шнурков или застежек – все равно ее не придется надевать в второй раз.

Девушка стреляет, но я успеваю уклониться. В моей спине есть чувствительные сенсоры движения, работающие примерно так, как у акул, которые способны ощущать движение жертвы, не пользуясь ни зрением, ни обонянием. Парализующая пуляк врезается в стену видеобудки, оставляя небольшую вмятину. Я опускаю в ящик вторую ногу, и вот я уже обут. Теперь осталось выбрать пиджак или плащ. Смотрю на свои ноги. Ботиночки выглядят прилично, мне нравится в них все, кроме цвета. Они оранжевые. Какой болван додумался до оранжевых ботинок? Я ставлю ногу на скамью.

– Как тебе? – спрашиваю девушку.

Она начинает хохотать.

– Ну, ты смешной! – говорит она.

Парень поднимается. Он уже вытащил лезвие из своего тела. Но, кажется, одного укола ему мало. Я легонько тыкаю его в челюсть и кладу на скамейку, рядом с сидящей девушкой.

– Слушай, а я знаю, – говорит она. – Ты не человек, ты из этих!

– Человек. Можешь попробовать, – я протягиваю ей руку, и она ее старательно щупает. Кажется, она все равно мне не верит. Андроидов в наше время научились изготавливать настолько качественно, что иногда их путают с людьми. Но кожа их всегда выдает. Человеческую кожу на ощупь ни с чем не спутаешь.

Я беру плащ и набрасываю его себе на плечи. Плащ ярко зеленый, в красное яблоко. Супермолодежный дизайн. Не имею представления, почему автомат выбрал именно эту расцветку. Может быть, он тоже принял меня за чокнутого? Сейчас я похож на канарейку, но выбирать одежду еще раз уже не хочу. Слишком мало остается времени.

– Платок есть? – спрашиваю девушку.

Она роется в сумочке и дает мне платочек. Очень удобная штука, с автоматическим растворением загрязнений. Таким можно протереть все тело, и станешь чистым, как будто только что из-под душа. Он убирает любые загрязнения кожи, растворяет их и переводит их в форму, удобную для утилизации. Я тщательно протираю лицо, обращая особенное внимание на губы: на них запеклась кровь. Привкус крови все еще ощущается во рту. Я сплевываю на пол очередной кровавый сгусток. Когда же, в конце концов, это прекратится? Представляю, в каком

состоянии сейчас мое легкое, если его не может вытащить даже хорошая батарея. А батареи я всегда ставлю хорошие. Не отличные, а просто хорошие, на отличные никогда не хватает денег.

Одевшись, я выхожу на платформу и ожидаю лифт. Он подходит через минуту. Вхожу в просторную комнату без передней стены; вместе со мной сразу входит еще человек сто или больше. Стена опускается, и лифт начинает свое плавное движение вниз. На самом деле здесь не так уж много народу. Вот пересаживаться на центральных станциях, на тех, что на территории исторического центра, действительно тяжело. Я практически никогда не выхожу там. Все платформы плотно заполнены народом, люди стоят плечом к плечу, не протиснешься. Много людей. Слишком много людей. Пользоваться наземным транспортом тем более нереально. В городе никто не ведет свои машины сам, просто сидя за рулем, как в старые добрые времена. Я думаю, что автомобилей в городе не меньше чем людей. Поэтому общим движением управляет десяток стационарных спутников. Все машины движутся согласованно, как солдатики, на каком-нибудь древнем параде. Это жутко неудобно, если собираешься поехать куда-нибудь по своим личным делам. Пока что выручает метро, хотя многие линии тоже предельно перегружены.

Лифт останавливается, и я выхожу. Сейчас я на глубине километров пять или шесть, что, на самом деле немного для скоростного метро. Многие линии расположены гораздо глубже. Теперь мне остается пройти несколько длинных изогнутых коридоров, потом спуститься по лестнице, потом еще один коридор после расширителя – и я на нужной платформе. Я спешу, но меня останавливают крики. Кричат несколько женщин. Кричат так, будто увидели мышь.

Я подхожу к ним и вижу странное существо размером со среднюю собаку. С первого взгляда видно, то это робот, но выглядит он очень странно. В нем странно все, начиная с расцветки. И заканчивая огромными челюстями, больше напоминающими рога большого жука. Возможно, что эта штука опасна. Я делаю шаг, пытаюсь приблизиться к нему, но монстрик выстреливает в меня голубоватым электрическим разрядом. Я едва успеваю увернуться. Женщины начинают орать с удвоенной силой. Их пятеро, но двое сразу же удаляются. Трое оставшихся, кажется, имеют более крепкие нервы.

– Мне надо пройти туда, – говорит одна из них, – а это перегораживает мне дорогу. Вы знаете, что это?

Она спрашивает меня.

– Точно не знаю, но догадываюсь.

Робот на самом деле опасен. Существа вроде этого время от времени появляются в глубоких подземных коридорах. Я не знаю, откуда они берутся. Возможно, кто-нибудь изготавливает их для развлечения, так, как в свое время бессовестные программисты изготавливали программные вирусы. Сейчас, когда все вирусы давно повывелись, кто-то создает вот таких роботов. Каждый год несколько десятков человек погибает в их лапах и клешнях. Но что такое десяток человек для огромного города? Эти микротрагедии никого не интересуют.

– Я знаю, они выводятся сами, – говорит одна из женщин. – Я слышала, что они могут откладывать яйца. Они живут в тоннелях и питаются электричеством от поездов. Мне золовка рассказывала, она работает в институте.

– Правда? – вяло откликаюсь я

– А ты сомневаешься? Их в тоннелях миллионы. Это электронные тараканы. Их в институте специально изучали.

Вот это уже полная ерунда. Электронные тараканы. Которые миллионами живут в тоннелях метро. Не понимаю, как можно верить в подобную чепуху. Но, чем бы ни было это существо, его нужно обезвредить. Я захожу сбоку, но оно поворачивает ко мне то, что условно можно назвать головой. Одна из женщин кажется мне более разумной, чем другие. Я машу ей рукой.

– Отвлеки его!

Она понимает, и начинает размахивать сумочкой, благоразумно не приближаясь к жуку. Существо медленно разворачивает к ней свои челюсти. Оно движется подобно тяжелобольному. Мне даже жаль его убивать. Но это машина, это всего лишь машина.

Я делю быстрый выпад, и разрываю ему несколько шлангов, в том месте, где у живых существ находится горло. Это должно сработать.

И это срabатывает. Существо заваливается на бок и начинает кричать. В этом крике настоящая, почти человеческая боль, такая боль, что, кажется, волосы становятся дыбом. Оно кричит и кричит. Оно умирает. Женщина напротив меня зажала уши ладонями. Это невыносимо. Я подхожу ближе, и пытаюсь его добить. Вначале ничего не получается. Наконец, плач становится тише. Это уже больше похоже на стон. Оно лежит на боку и дергается, перебирая лапами. Из него сочится какая-то жидкость. Челюсти-клешни то открываются, то закрываются, но это движение становится все медленнее и медленнее. И вот оно затихает, испустив последний вздох.

Одна из женщин обходит его по кругу, не приближаясь.

– Смотрите, – говорит она. – Я же вам рассказывала, что оно откладывает яйца. Посмотрите, вот там, у него на животе!

Я смотрю и вижу небольшие выпуклости, которые при определенном усилии воображения можно было бы принять за яйца или икру.

– Робот не может вылупиться из яйца, – возражаю я. – Потому что железо не может расти.

– А он ведь не железный!

Я не вступаю с нею в спор и просто ухожу. Уверенных людей переубедить невозможно. Вера не совместима с мыслью и не понимает доказательств. Она так устроена, что поддерживает сама себя. Но крик этого животного, кем бы оно ни было, до сих пор звучит в моих ушах. Это уж слишком. Я никогда не слышал, чтобы кто-то кричал так.

Одна из женщин нагоняет меня. Та, которая отвлекала жука сумочкой.

– Вы думаете, что оно выползло сюда, чтобы отложить яйца? – спрашивает она.

– Я ничего такого не думаю. Возможно, что это новый вариант терроризма. Мягкая форма. Бомбы ведь давно не взрывают, нужно же им чем-нибудь заниматься?

– Но ведь берутся же они откуда-то!

– Мне не хотелось его убивать, – говорю я.

– Господи! – ужасается она, взглянув на мою майку, покоровившуюся от засохшей крови. – Оно вас укусило!

– Нет, просто встретил хулиганов. Ничего страшного.

– Все божьи твари имеют право на жизнь, – говорит она, – но ведь эта тварь была создана не Богом. Я не знаю, имели ли мы право.

Она роется в сумочке и достает оттуда какую-то брошюрку. Десять страничек о Божьей милости, или что-то вроде этого. Мы выходим на последнюю пересадочную платформу. Она велика – противоположный край теряется вдалеке. На платформе стоит веселый шум тысяч голосов.

– До свидания, – говорит она и протягивает мне руку. – Приятно было познакомиться.

– Но мы даже не познакомились, – возражаю я. – Я не знаю вашего имени.

– А какая разница? Имя все равно забудется. А книжечку возьмите.

Я смотрю на глянцевую обложку, по которой пробегают буквы какой-то молитвы. Они движутся по диагонали.

– Вы уверены, что Бог существует? – спрашиваю я.

– Конечно. Он дает нам неопровержимые доказательства.

– До свидания, – говорю я, хотя никакого свидания не предвидится. Я потерял к ней всякий интерес после ее последней фразы. На самом деле Бог не обязан давать никому никаких доказательств. Через минуту я выбрасываю брошюрку в урну, и та чавкает, переваривая ее.

4

Я живу в довольно живописном, и совсем не шумном спальном районе, на самой границе центра. Район называется Апрелевским жилмассивом. Дома здесь совсем невысокие, есть несколько по сорок этажей, большая половина из которых отрицательны, то есть, находятся под землей. Остальные тридцатиэтажники, минут двадцать – плюс десять, то есть, над землей торчат лишь уютные белые коробочки по десять этажей. Верхние и нижние этажи имеют разные лифты, разные входы и разные системы снабжения. На самом деле, это два дома в одном. Из окон моего дома видна река Десна, значительно расширенная в последнее время и небольшой Бурцевский парк со старой церковью. В реке водятся сазаны и форель, может быть, это и не настоящие сазаны и форель, но, тем не менее, рыбаки сидят на обоих берегах и днем и ночью. Справа, за парком, виден большой купол пересадочной станции, который светится по ночам. Это станция Голицинская, последняя наземная станция Можайской скоростной дороги. Подходя к центральным районам, скоростная дорога ныряет под землю, чтобы вновь подняться на поверхность лишь в девяноста километрах от этого места на северо-восток. До светящегося купола отсюда примерно двенадцать километров, но он так велик, что кажется, будто он совсем рядом.

Я обосновался не высоко, всего лишь на седьмом этаже, поэтому иногда вхожу через окно. Особенно, если не хочу, чтобы меня кто-то встретил. Когти позволяют мне взбираться по любой вертикальной поверхности быстрее и легче, чем кошка взбирается по стволу. Даже если поверхность будет зеркальной, я поднимусь по ней с помощью присосок. Мне нужно не больше минуты, чтобы подобраться к своему окну. Я устраиваюсь у форточки и прислушиваюсь. Ультразвуковые, тепловые и прочие сенсоры позволяют мне точно определить, что в квартире посторонних нет. Ночная прохлада освежает меня, и наконец-то становится легче дышать. Термометр, прикрученный на оконную раму, сейчас прямо перед моими глазами. Он показывает минус четыре. Зеленоватая шкала мягко светится в темноте. Плащ и одноразовые ботинки я оставил внизу. Они мне больше не понадобятся.

Открыв окно, я проникаю внутрь. Теперь самое время заняться своим здоровьем. Хотя, нет. Стоит проверить, нет ли кого на лестнице. Я выхожу, прислушиваюсь, и потом спускаюсь до самого низа. Никого, кроме трех несовершеннолетних уродиков, которые пытаются насилловать девчонку. Все четверо мне неизвестны. Я предупреждаю их, чтобы прекратили безобразия, но они не слушают. Неученые пока. Я предупреждаю еще раз, но они начинают неумеренно хамить. Меня уже в который раз поражает глупость подрастающего поколения. Может быть, я старею? Все-таки кажется, что молодежь становится глупее с каждым годом. Я таким не был. Отбираю два ножа и пистолет, применяю, в педагогических целях, легкое болевое воздействие. Помогает, но слабо. Рассердившись, я прижимаю им определенный нерв на пояснице, и одному, и второму. Второй пытается сбежать, но, конечно, не успевает. Теперь в ближайшие два месяца девочки им не понадобятся. Пусть успокоятся и займутся своим здоровьем. Выгалкиваю их на улицу и запираю наружную дверь. Девчонка выглядит неважно. Очень бледная и не держится на ногах. Похоже, что ребята ее старательно били. Это обычное дело: вначале зажимают рот, потом бьют до потери сознания, а когда жертва перестает дергаться, насилуют ее в таком состоянии. Все происходит тихо и прилично, если так можно выразиться. Никаких лишних криков. В школах так насилуют каждую вторую. Потом ведь, после того, как батарея восстановит повреждения, никто ничего не докажет. Конечно, ребята повредили что-то у нее внутри. Приглашаю ее к себе, чтобы подремонтировать. Ей достаточно всего лишь полежать минут двадцать. Придет в себя и будет как новенькая.

– Где живешь? – спрашиваю.

– Нигде.

– Ясно. Не хочешь отвечать, не надо.

Для начала я проверяю ее регенерационные батареи. Почти полные, а это самое главное. Минут через двадцать на самом деле будет здорова. Скорее всего, у нее разрыв кишечника, если она имеет кишечник. Ну, и всякая другая мелочь. Не могу сказать точно, потому что я не знаю ее внутреннего дизайна. Отправляю ее в ванную комнату и там запираю. Умоется и полежит на кушетке. Мне посторонние не нужны.

Я включаю свет в операционной. Это небольшая комната с зеркалами. Зеркала нужны потому, что чаще всего мне приходится оперировать на самом себе. Это не так уж просто, как может показаться, и не только потому, что в зеркале лево превращается в право (давно уже пора раскошелиться на электронные зеркала, с прямым отражением). Это сложно потому, что, оперируя на некоторых внутренних органах, можно на время отключиться, тогда могут произойти всякие неприятности. Но я ведь знаю, что делаю.

Для начала я сдираю майку, покоробившуюся от засохшей крови, и считаю дырки, уже затянувшиеся мягкой розовой плотью, которая пока что выглядит очень нездорово. А ведь умеют стрелять, подлещы. Прострелили в семи местах. Пять из семи ранений – в правую половину грудной клетки. Представляю, в каком сейчас состоянии легкое. Одно ранение в горло, одно в плечо. Последние два уже затянулись сами собою до такой степени, что о них можно забыть. Вот на них и ушел основной заряд батареи.

Прежде, чем заняться легким, нужно сменить батарею. Старая практически пуста. Я не менял ее уже четыре месяца. На самом деле, при моей профессии, это непростительная небрежность. Такая батарея, как у меня, на семь гигаграмм, считается очень хорошей. Людям, живущим нормально, такой бы хватило на десятилетия, если не на всю жизнь. Конечно, есть и намного более мощные батареи, но их ставят себе только богатые пижоны, совсем не для дела, а только из хвастовства. Хорошие батареи прилично стоят; чтобы купить еще одну семи-гигаграммную, мне едва хватит гонорара за сегодняшний бой. Значит, я снова окажусь на мели.

Итак, первым делом нужно сменить батарею, решаю я. Далеко не лучший вариант действий. Если я сразу займусь своим легким, заряда может просто не хватить операции. Тогда я останусь без легкого, с развороченной грудной клеткой, и с телом, неспособным восстановиться. Это верная смерть. Но, если я выну батарею сейчас, то заживление моих внутренних повреждений сразу же прекратится. Если я потеряю сознание в этот момент, то, скорее всего, автоматически окажусь на том свете. Лучшим вариантом было бы найти помощника, чтоб подстраховал, но времени в обрез. Мне практически нечем дышать, поэтому приходится страшно спешить. Решено: вначале батарея, а потом займемся легкими. Работенка не из легких, особенно при сильном кислородном голодании. Мой последний источник кислорода (тот, что в поджелудочной) уже включен, но работает с половинной нагрузкой; в таком режиме его хватит еще на полтора часа. Недостаток кислорода замедлит заживление, но с этим я уж ничего не поделаю. Начнем со щеки. Я быстрым движением разрезаю левую щеку от глаза до уха, потом срезаю мягкие ткани, так, что они отвисают вниз, и обнажаю лицевую стенку гайморовой пазухи. Тонкая розовая костяная пластинка. Свеженькая, как под топором мясника. Я поддеваю ее толстой иглой и нажимаю. Игла гнется. Черт! Эта кость каждый раз прирастает крепче, чем нужно. Ничего не могут сделать качественно. Что не купи, сплошная халтура. Я беру из ящика с инструментами кухонный нож и вставляю его концом в щель между костями. Ну наконец-то! Пластинка отодвигается. Она у меня съемная, как и у большинства современных людей. Пустота гайморовой пазухи – идеальное место для размещения регенерационной батареи. Поэтому чаще всего батарею располагают именно здесь. Хотя могут вставить и куда угодно, почему бы и нет?

Сняв пластинку полностью, я вытаскиваю батарею. Это самый опасный момент операции. Батарею отключена, и это значит, что я беззащитен перед инфекцией. Я сразу же чувствую себя хуже, но не из-за инфекции, а потому что совершенно прекратилась работа легких, кото-

рая до сих пор едва-едва поддерживалась батареей. Смену батарей рекомендуют производить лишь при полностью здоровом организме, но у меня ведь особый случай. Когда-нибудь эти особые случаи меня угробят. Я задумываюсь о том, что весь гигантский прогресс человеческой мысли за последний, скажем, миллион лет пошел коту под хвост, если мы не способны обеспечить себе даже элементарную ежедневную безопасность. Раньше нас имели на ужин саблезубые тигры, потом нас резали всякие разбойные варвары, теперь нас убивают бандиты и автокатастрофы. Ну и плюс другая приятная мелочь, о которой не стоит вспоминать.

Оказывается, я уже несколько минут сижу, упершись лбом в зеркало. Мозг полон разноцветной чуши. Жутким усилием воли я заставляю себя сосредоточиться и вставляю все-таки батарею. Она слегка пощипывает, прирастая на новое место. Еще несколько дней она будет давить, потому что все батареи выпускают одинаковыми, а форма гайморовой пазухи у всех разная. У меня, например, снизу две высоких бороздки, и еще бугорок – слишком длинный корень верхнего зуба.

Только сейчас мне приходит в голову, что можно было бы попросить помощи у той девчонки, которая заперта в ванной комнате. Все-таки, она должна быть мне благодарна. Могла бы вставить батарею мне в щеку, это лишь немногим сложнее, чем вставлять ее в пульт видеоплеера. Хорошая мысль приходит опосля, по отношению ко мне это справедливо на девяносто процентов. Ладно. Теперь вставляем пластинку на место. Батарея уже делает свое дело, она так хорошо работает, что даже нагрелась. Кость сразу прилипает. Прилипает так, что в следующий раз хоть молотком выбивай. Еще две минуты уходит на ремонт щеки. Остается небольшой шрам, от которого через час не и следа не будет.

Теперь пора заняться настоящим делом.

Я беру скальпель и делаю разрез сверху вниз вдоль грудины. Затем заворачиваю вдоль четырнадцатого ребра. Не знаю, сколько ребер было у натуральных людей, у меня их по двадцать четыре с каждой стороны. Так гораздо удобнее. Чтобы вскрыть грудную клетку, мне не нужна циркулярная пила: каждое из моих ребер имеет по три или четыре сустава с хорошей подвижностью, можно просто резать по суставным хрящам. Что я и делаю. Пекторалис Минор рефлекторно сокращаются, четыре ребра оттопыриваются кверху, и вот у меня в груди уже приличная дыра, в которую можно легко всунуть руку. Я не беспокоюсь об обезболивании, хотя время от времени некоторые нервы все же пропускают ослабленный болевой сигнал. Это неприятно, но вполне терпимо. Я не беспокоюсь о всякой септике и антисептике (или как там это называлось в классической медицине), это меня не волнует, потому что моя батарея не позволит проникнуть в рану ни единому микробу. Сейчас мой иммунитет равен бесконечности. Я поворачиваю осветитель и смотрю на свое легкое. От него ничего не осталось. Эти клочки больше похожи на рваные тряпки, чем на работоспособную живую ткань. Его придется удалить. В принципе, я еще мог бы оставить примерно треть верхней доли, но это ни к чему. Я буду заменять легкое полностью.

Это нужно было сделать уже давно. С правым легким у меня всегда были проблемы. Оно глючило у меня с самого детства. Да и доставалось ему частенько. Как ни странно, я его еще ни разу не менял. Собственно говоря, это единственный крупный орган, который сохранился у меня от самого рождения. Все остальное модернизировалось, заменялось чем-то или вставлялось заново. Правое же легкое мне рвали раз шесть, не меньше, и каждый раз оно неправильно срасталось. Врачи говорят, что в нем есть скрытый генетический дефект. И все-таки, мне жалко его выбрасывать. Может быть потому, что оно свое, настоящее? Я не знаю. В любом случае ничего не поделаешь. Я вытаскиваю в дыру упругие розовые клочки и отрезаю все по самую трахею. Резать неудобно, потому что не видно, что делаешь, приходится работать на ощупь. Упругая ткань сопротивляется ножу. Поток крови я перекрыл заранее. Давление в аорте выше нормального, излишек крови разливается по всему телу, и моя кожа краснеет. Я выгляжу так, как будто только что вышел из бани. Вот, отрезано. Выбрасываю теплую ненужную массу в

таз, она падает, издавая чавкающий звук. Довольно странное ощущение, наверное, я никогда к нему не привыкну. Я имею ввиду не только пустоту в груди. Легкие не рассчитаны на то, чтобы к ним прикасались руками, а трахеи и бронхи не рассчитаны на то, чтобы их тянули изнутри. Несмотря на все достижения медицины, наш организм еще слишком несовершенен.

Левое легкое пока не может работать, из-за разрыва диафрагмы. Разрыв идет во всю ширину, он, конечно же, срастется без проблем, если только правильно сопоставить края. Я пытаюсь прощупать конфигурацию дыры и нахожу несколько свободно свисающих лепестков. На их краях уже появились заметные утолщения: диафрагма пытается срастись без моей помощи, и делает это неправильно. Здесь нельзя ждать, потому что можно получить неработоспособный орган, сплошь состоящий из складок и рубцов. К счастью, края слипаются легко, ремонт диафрагмы занимает у меня всего минут пять или семь. Трудно поверить, что в старые времена починить человека было практически невозможно. Вы могли без проблем отремонтировать автомобиль, компьютер или велосипед, но поломка собственного организма оказывалась для вас фатальной. Это же нонсенс, иначе не назовешь.

Я заменяю выброшенное легкое амбилангом, у меня есть в запаснике парочка неплохих и надежных моделей. Амбиланг на самом деле ничуть не хуже обыкновенного биологического легкого, не требует особого обслуживания (лишь меняй баллончик со смазкой раз в полтора года, во и все), зато он позволяет одинаково легко дышать как в атмосфере, так и под водой. Он имеет еще одно преимущество перед обыкновенным легким: не так чувствителен к перемене давления. Он будет прекрасно работать и на сорокакилометровой высоте, где обычное легкое совершенно непригодно. А максимальное расчетное давление для него – около ста двадцати атмосфер. Теперь я без проблем смогу накачивать колеса своего автомобиля. Не только без проблем, но и безо всякого насоса, как вы понимаете – просто возьму трубочку в рот.

Вставив амбиланг, и прогнав все тесты на работоспособность, я ставлю ребра на место. Надо спешить. Пока в моей груди дыра, ни здоровое легкое, ни амбиланг работать не могут. Запас кислорода на исходе. Каждое из ребер приходится прижимать в отдельности, и ждать, пока прилипнет хрящ. Это не так быстро, но и не сложно. Как только последнее ребро оказывается на месте, я делаю первый вдох. Отличное ощущение. Вся система работает как часы. Еще несколько глубоких вдохов – и я в порядке. А ведь сегодня я, и в самом деле, был на волосок. Не будем уточнять, на волосок от чего. На самом деле никто этого не знает. В моем организме есть еще несколько дополнительных, аварийных, систем защиты, которые включаются без всякого моего вмешательства. Я даже не знаю, как они устроены. Просто в свое время я их купил, и теперь не жалею.

Я встаю, делаю несколько простых упражнений, чтобы проверить, как работает двигательная система. Потом выбрасываю все то, что осталось после операции. И, наконец, вспоминаю о девочке, которая остается запертой уже почти час. Что-то слишком тихо она себя ведет. Я бы на ее месте уже давно колотил в дверь.

Так. Ничего хорошего это не означает. Вначале я легонько стучу в дверь, потом стучу сильнее. Потом зову ее. Я могу войти и так, но вдруг она раздета? Я не хочу, чтобы меня обвиняли во всяких гадостях. Она ведь вполне может оказаться несовершеннолетней. Как я и ожидал, никто не отвечает. Сбежать она не могла. Покончить с собой? – вряд ли. Принять ударную дозу наркотика? Я открываю дверь.

Она лежит на полу. Видимо, упала с диванчика и пыталась ползти к двери. Глаза закатились, кожа неприятного синеватого оттенка. Дыхание незаметно. Я поднимаю ее и пытаюсь нащупать пульс. Пульса нет, а если есть, то слишком слабый. Руки, ноги и лицо – до сих пор в синяках. У меня возникает страшная догадка. Я бросаюсь в комнату и хватаю регенометр. Господи, ее батареи совершенно пусты. Как же это может быть? Еще час назад они были наполнены на восемьдесят восемь процентов. Прокачиваю дополнительный тест. Конечно. Так и есть. Ее батареи имели слишком малую емкость, чтобы справиться с крупными внутренними поврежде-

ниями. Всего по пятьдесят мегатом каждая. На таких батареях можно надеяться только срастить переломы костей, избавиться от небольших ожогов, или вырезать себе аппендикс. Я не понимаю людей, которые покупают и вставляют себе подобную ерунду. Она что, была нищая?

Я уже думаю о ней в прошедшем времени, и это плохой знак. Если она умрет, то что делать мне? Что делать мне, если у меня в квартире умрет избитая и изнасилованная несовершеннолетняя девчонка? И никаких свидетелей. Попробуй потом докажи, что это сделал не я. Не знаю, стоит ли мне в этом случае сразу же хвататься за телефон и сообщать обо всем. Не уверен, что я так поступлю. Я ведь знаю методы работы этих мальчиков. А если избавиться от трупа? Как?

Я еще раз пытаюсь нащупать пульс. Будем надеяться, что она еще жива. Кожа теплая, во всяком случае.

Проблема еще и в том, что в доме не осталось ни одной запасной батареи. Нет даже самой маленькой. Я ведь никогда не покупал их про запас – и сколько раз проклинал себя за это. А без батареи она не выживет. И дернул же меня черт вмешаться. Что за бред лезет в голову – не вмешаться я не мог. Так, стоп, попробуем сосредоточиться. Какие остаются варианты? Купить новую батарею я никак не успею. Деньги? – деньги есть. Гонорар за сегодняшний бой уже переведен на мой счет. Но сейчас ночь, пока я доберусь до дежурной станции, заполню бумаги, куплю батарею и вернусь обратно, спасать уже будет некого.

В этот момент звонит телефон. Только этого еще не хватало. Я не жду ничего хорошего от поздних звонков.

5

В нашей жизни есть одна, очень серьезная проблема, совершенно незнакомая древним. Ее пытаются замалчивать, обходить, делать вид, что она не существует. Но каждый, кто столкнулся с ней, не скажет, что я преувеличиваю. Я говорю, что это одна из самых серьезных проблем нашего времени. Проблема в том, что пытки не оставляют никаких следов. Как бы над тобой ни издевались, ты не сможешь этого доказать впоследствии. Мы стали беззащитными, потому что не можем доказать факт насилия. Мы стали бесправными, потому что невозможно проверить, нарушались ли наши права. Мы стали очень жестокими, просто потому, что девяносто девять процентов самых страшных жестокостей прекрасно сходит с рук. Один процент я оставляю на пытки со смертельным исходом. Мы причиняем друг другу слишком много боли, не в переносном смысле (так употребляли это слово еще в прошлом веке, подразумевая душевные страдания), а в самом прямом; я имею ввиду настоящую физическую боль. Кто бы мог подумать, что так получится?

Я помню кадры шестидесяти– или семидесятилетней давности, как искренне радовались те люди прогрессу медицины, какими радужными были прогнозы! И ни кто не ждал той тьмы, что окружает нас сейчас. Если раньше дети разбивали друг другу носы, то теперь отрезают пальцы. Если раньше мы вежливо (или не очень) напоминали должнику о взятой сумме, то теперь мы просто расстреливаем его из пистолета, а потом, пока он не пришел в себя, режем из него кожаные ремни. Ни одна девочка не доживает до замужества без того, чтобы ее не изнасиловали несколько раз. И даже не это самое страшное. Вы, конечно, поняли, о чем я говорю.

Я говорю о тех людях, которые... Вы знаете, в древности существовало поверье, что всевозможные силовые структуры, как бы они не назывались, защищают наши права. Смешно, правда? Было даже такое название: «Правоохранительные органы». Теперь их называют проще: полиция, милиция и охрана. Раньше их было больше, теперь осталось только три. Большинство людей, те, которые не читали исторических книг, даже не знают таких слов, как, например, «прокуратура» или «суд». Да и для меня, честно говоря, суд не слишком-то отличается от народного вече. Собираются люди, что-то говорят и что-то решают. Это было забавно, не спорю, но очень не точно. Слишком большой субъективный элемент. Сейчас приговоры выносятся мгновенно и предельно справедливо. Эти приговоры очень точны, например, срок тюремного заключения отмеряется с точностью до дней, часов и минут. Фемида больше не ошибается. Потому что Фемида – это уже не символ и не божество с весами или завязанными глазами (сомневаюсь, что она так выглядела, но что-то подобное мне помнится из детства).

Фемида это громадная компьютерная система, которая хранит в памяти все преступления за последние сто двадцать лет. Даже если сто лет назад маленький ребенок разбил камнем стекло, Фемида об этом знает и помнит все подробности и обстоятельства дела. От Фемиды невозможно укрыться, потому что, анализируя миллиарды случаев, она заранее знает, куда мы пойдем, что с собой возьмем, и что собираемся делать. Большинство серьезных преступлений она просто предотвращает. Например, намеренное убийство в наше время просто невозможно: Фемида остановит вас заранее. Остается лишь убийство по неосторожности или в состоянии аффекта. Те ребята, которые стреляли в меня сегодня, не собирались меня убивать, хотя могли это сделать чисто случайно. Не зря ведь они стреляли мне в грудь, а не в голову. Как только Фемида появилась, развернулась, и стала функционировать в полную силу, сразу сошел на нет терроризм, этот бич прошлого века. Терроризм бушевал, как чума, от него негде было укрыться. В большой ты стране живешь или в маленькой, в большом городе или в захолустном горном селении, в любой момент могли появиться люди, желающие тебя убить. Совершенно незнакомые тебе люди, действующие эффективно и слажено, как единая чудовищная машина

зла. От терроризма не было спасения, даже в перспективе. Землю захлестнула одна огромная всепланетная вендетта. И вдруг появилась Фемида и снова сделала жизнь относительно безопасной. Говорят, что каждый век имеет свое средневековье. Сотни миллионов людей были уничтожены в двадцатом, миллиарды – в двадцать первом, а каким будет средневековье следующего века, пока никто не знает.

Фемида, насколько я помню, возникла постепенно, вначале, как компьютерная система, которая помогала следователям анализировать улики, а судьям и присяжным – их взвешивать и оценивать. С каждым годом она делала это все лучше и лучше, и, наконец, грубый человеческий труд в этой области оказался не нужен. Человек лишь портил дело. Электронный Шерлок Холмс работал гораздо лучше. Следователи, судьи и присяжные постепенно растворились в истории. Теперь вынесение приговора занимает максимум несколько секунд. Преступника берут на месте преступления и сразу же везут в то исправительное заведение, которое уже указала Фемида. Там он и отбывает свои годы дни и часы срока.

Поначалу, с появлением Фемиды, жизнь стала намного спокойнее. Прямое воровство, грабежи и разбои просто исчезли. От Фемиды с самого начала невозможно было скрыться, даже в таких колоссальных городах, какие мы сейчас имеем. Ведь каждый человек имеет маленький компьютерный чип, вшитый под лобную кость, этот чип заменяет любые личные документы, фиксирует местонахождение, запоминает финансовые операции, все личные и персональные контакты, ежедневно определяет уровень благонадежности, фиксирует отклоняющиеся поступки и напоминает, где мы забыли наши вещи. Огромная и точная память Фемиды позволяет хранить и обрабатывать всю эту информацию. Чип вставляется уже через несколько минут после рождения. Это единственная часть нашего тела, которая не подлежит ремонту.

Громадный успех Фемиды вдохновил людей на создание новых всепланетных сетей. Сейчас их уже больше десятка, и каждая из них идеально обслуживает одну из сфер нашей жизни. Например, банковская система, объединенная с системой маркетинга, делает любую покупку такой удобной и выгодной, какой она просто не могла быть никогда раньше. Для каждого продавца на планете она подбирает идеального покупателя, и наоборот. С каждой из сверх-систем любой человек может свободно общаться в любой момент своей жизни. Для этого служит удобный НН-интерфейс (первые две буквы означают Human-to-Human). Когда мы пользуемся НН, компьютерная система предстает перед нами в виде человека, или хотя бы человеческого лица. Она нормально общается с нами, отвечает на все наши вопросы и даже пытается подстроиться под наши нужды и потребности. Система говорит так, как будто она общается с нами и только с нами. На самом деле она может разговаривать одновременно с миллионом человек. Однако многим людям элементарно льстит такое внимание гигантской всепланетной системы, и они используют НН когда надо и когда не надо.

Мой чип обязательно расскажет, что не я мучил этого ребенка. Но он ведь не может фиксировать мои мысли. Никто не знает, зачем я привел ее в свой дом и почему не оказал помощь вовремя. Если она умрет, мои действия можно расценивать, как непреднамеренное убийство. Я ведь просто запер ее и оставил умирать. В конце концов, все выяснится, но вначале я попаду в лапы полиции или милиции. А вот это и врагу не пожелаешь.

Первая из этих организаций больше ориентирована на бытовую преступность, а вторая – занимается экономической. Только не подумайте, ради Бога, что они с преступностью борются. Возможно, что так обстояло дело сто лет назад, да и то я в этом сомневаюсь. Сегодня с преступностью не борется никто. Сегодня ее организуют, изучают, ограничивают и пытаются использовать в полезных целях. Сегодня разрешено все, что прямо не запрещено Фемидой. Что запрещено – то невозможно. А разрешает она, на самом деле, очень многое, предоставляя нам слишком много свободы. Полиция, милиция и охрана, все эти три организации на связаны никакими законами, потому что законов просто нет. Поэтому они делают с тобой все, что хотят. А хотят они обычно такие вещи, какие тебе очень не нравятся.

Мне некогда болтать по телефону, поэтому я не беру трубку. После десятка звонков телефон успокаивается. Я тащу тело девочки в операционную и бросаю на стол. Церемонится некогда. Все может решиться за несколько секунд. Выковыриваю ей кусок кости и подключаю к своей батарее. К счастью, у меня есть подходящий шнур. Моя начинает сильно нагреваться – она не рассчитывалась на такую нагрузку. Сейчас моя батарея вытягивает одновременно два тела. К счастью, мое уже почти восстановилось. Проходит несколько минут, и девушка открывает глаза. Соединительный провод короткий, поэтому мы сидим совсем близко, лицом друг к другу. В ее влажных глазах я не вижу ни удивления, ни испуга, ни любопытства. Она совершенно спокойна, как домохозяйка, которая печет блин. Очень странно, но она мне не кажется сейчас такой молодой, как показалась вначале. Когда я притащил ее, полуживую, в свою квартиру, я был уверен, что ей лет пятнадцать или шестнадцать, не больше. Сейчас ей уж точно не меньше восемнадцати.

– Ты так и не скажешь мне свое имя? – спрашиваю я.

– У меня нет имени, – отвечает она.

Изменился даже ее голос, стал глубже, мягче и как-то женственнее. Может быть, дело в том, что час назад она была на грани смерти? Или мощная батарея слишком быстро накачивает жизнью ее тело?

– Нет имени? То есть, ты его забыла или не хочешь говорить?

– Просто нет.

– У тебя нет имени, и ты нигде не живешь. Так не бывает. Что ты делала в моем подъезде?

– Ждала тебя, что же еще?

Я улыбаюсь. Это наверняка ложь. С первого взгляда она не производит впечатления сумасшедшей или обманщицы. Что же, значит, первый взгляд обманчив. К тому же, у меня нет настроения играть в игры.

– Слушай, – говорю я. – Еще несколько минут, и ты уйдешь. Я никогда не видел тебя раньше, и не собираюсь видеть никогда больше. Можешь загадывать свои загадки кому угодно другому. Я потратил на тебя четвертую часть своей батареи. Это стоит денег. Денег у тебя нет, но я надеюсь, что ты хотя бы скажешь «спасибо».

– Ты меня просто выгонишь? – как-то слишком легко, почти с кокетством, спрашивает она.

– Не просто. Сейчас закончится предварительная регенерация, потом я проверю состояние твоих внутренних органов. Если все окажется в порядке, я провожу тебя до двери лифта. В твоём теле не было отверстий, это очень упрощает регенерацию.

– Нет, ты меня не выгонишь, – говорит она.

– Это почему же?

– Я тебе не позволю.

Такая самонадеянность меня даже немного веселит. Хотел бы я посмотреть на человека, который может мне что-то не позволить.

– Это как же? – спрашиваю я, – Ты случайно, не господь Бог?

– Просто не позволю.

В этот момент я понимаю, что нечто свершается помимо моей воли. Моя рука пытается вырвать соединительный шнур, но уже поздно. Я не могу сопротивляться. Рука висит в воздухе. Чужая воля становится моей. Я ощущаю, что мною управляют, как марионеткой, и ничего не могу с этим поделать.

– Видишь, – говорит она. – Именно так и не позволю. Это совсем нетрудно. А Бога нет. Есть только ты и я.

Честно говоря, не знаю, как она сумела это сделать. То есть, принцип понятен. Через шнур, соединяющий наши батареи, она напрямую подключилась к моему мозгу. Я слышал о таких вещах, как прямое директивное подключение, но считал, что они требуют слишком

сложной аппаратуры. А эта девчонка сумела подключиться просто через РГ-шнур. Теоретически это возможно, потому что проводящая способность шнура очень велика.

В моем теле всего два контакта для подключения внешних устройств, и оба они в нижней части позвоночника. Те контакты мне ничем не грозят, в смысле внешнего влияния. Говоря техническим языком, это «выходы». А «входа» в мой мозг не существует. То есть, до сих пор я был уверен, что его не существует. Как было ни было, она смогла его найти. Я пока не знаю, чем мне это грозит.

– Ты удивлен? – спрашивает она. В ее голосе явные нотки превосходства. Похоже, что умом она не блещет. Хотя, кто знает, я часто ошибаюсь в людях.

Я молчу.

– Это нужно было сделать, – продолжает она. – Я ведь знала, что это единственный способ тобою управлять.

– Тебе нужно мною управлять? – спрашиваю я.

– Мне нужен хороший раб. Я выбрала тебя.

– Нет. Я плохой раб.

– Знаю. Но мне нужен хороший раб для охраны. Ты с этим справишься. Когда твою миссия будет закончена, я тебя отпущу.

Как бы не так, – думаю я. – В делах вроде этого людей так просто не опускают. Не сомневаюсь, что когда миссия будет окончена, окажется, что я слишком много знаю. Тогда меня попросят забыть все, что я знаю. Сотрут всю свежую память, а вместе с ней, на всякий случай, еще добрую половину старых воспоминаний, привычек, умений, предпочтений – всего того, что делает меня мною. А если дело окажется слишком важным, сотрут вообще все. И я останусь идиотом до конца своих дней.

Этот вариант меня не устраивает, но пока я не вижу выхода. Она полностью контролирует меня. Каждое движение, каждую попытку движения.

– Кто ты? – еще раз спрашиваю я.

– Не твое дело.

– Что я получу за работу?

– Деньги.

– Я потребую много денег.

– Да ерунда. Сколько хочешь, – отвечает она.

– Сколько захочу?

Она хмурит брови.

– Ну да. Не мешай, помолчи чуть-чуть.

Я прекрасно чувствую, что она делает сейчас с моим мозгом. Она ставит поведенческие блоки. Я бы сделал то же самое на ее месте. Первым делом поставить блок послушания, затем блок не причинения вреда. Потом можно и отключиться.

– Я в порядке, – говорит она, наконец. – Можешь отключать. И запомни, ни при каких обстоятельствах ты не сможешь повредить мне. Я только что тебя запрограммировала.

На самом деле это называется иначе, но я не уточняю.

– Что еще? – спрашиваю я.

– Как только я скажу: «Это приказ», ты подчинишься, даже если это тебя убьет. Эти слова будут паролем, который включает программу абсолютного подчинения. Теперь деньги. Деньги нужны. Тебе понадобится хорошее снаряжение.

– По-моему, я и так достаточно хорош, – возражаю я.

– Ты никуда не годишься, – говорит она. – Вначале мы купим для тебя лучшее, что можно достать за деньги, а потом еще и лучшее из того, что за деньги достать нельзя. Вот тогда ты станешь настоящим охранником. Ну, и подремонтим тебя слегка, чтоб соответствовал стандартам.

– За тобою так круто охотятся, девочка?

– Как знать? – неопределенно отвечает она.

Она подходит к моему личному банковскому интерфейсу и набирает номер моего счета. Интересно, откуда она его знает? Увы, сумма невелика. Несколькими движениями пальцев она добавляет к цифре еще два нуля. Затем, подумав, еще и третий.

– Как тебе это понравилось?

Честно говоря, мне это очень понравилось. Четвертый нолик мне бы понравился еще больше, я так прямо об этом и говорю. Она строит презрительную гримасу, но четвертый нолик все же загорается. Впрочем, я не думаю, что смогу когда-либо воспользоваться этими деньгами.

– Неужели ты думаешь, что это тебе сойдет с рук? – спрашиваю я. – Я не имею понятия, как ты это сделала, но мы никогда не сможем получить этих денег. Ты думаешь, что ты поймала Бога за бороду, да?

– Бога нет, – еще раз говорит она. – И бороды никакой нет.

Кажется, у нее пунктик по этому поводу. Она говорит о Боге уже второй раз. У каждого из нас свои комплексы и свои проблемы.

– На самом деле, в тот момент, когда ты нажимала кнопки, несколько машин уже выехали по нашему адресу, – говорю я.

– Почему? – искренне удивляется она.

– Потому что твой личный чип сразу же передал все данные об этой афере. Никто не может просто так дописывать нолики. Ты представляешь, что...

– У меня нет личного чипа, – совершенно спокойно говорит она. Таким тоном, каким говорят о погоде.

– Что?

– У меня нет личного чипа, – спокойно повторяет она и стучит себя пальчиком по лбу, – мне сюда ничего не вживляли.

– Зато мне вживляли, – говорю я, – и я не хочу участвовать в подобных делах. Ни за какие деньги.

Она присаживается на кресло и кладет ногу на ногу. Ноги у нее ничего, есть на что посмотреть. У шестнадцатилетних такие не растут. Как я мог ошибиться поначалу?

– Твой чип мы тоже вынем, – говорит она. – И не далее, чем завтра.

В этот момент снова звонит телефон. Я поднимаюсь и протягиваю руку к трубке.

– Это за мной, – говорит она. – Не надо с ним разговаривать.

Я все же беру трубку. В ней молчание.

– Я же говорила, что это за мной, – повторяет она. – Соберайся, мы сматываемся. Здесь есть какой-нибудь выход, кроме парадного?

– Можно уйти по крышам, если ты не боишься высоты и умеешь хорошо прыгать.

– Мне достаточно того, что ты умеешь, – отвечает она. – Мы уходим и больше сюда не вернемся. Твоя задача – безопасно доставить меня в нужное место. Это приказ.

Она обхватывает меня обеими руками за шею, а я придерживаю ее левой рукой. Мы выбираемся на карниз. Свет я выключил, и окна нас не освещают. К счастью, нет ни одного освещенного окна поблизости. Хотя, если за нами охотятся по-настоящему, то они будут следить за окнами еще и в инфракрасном диапазоне. Внизу вдоль стены движутся цветные буквы какой-то рекламы, то там, то здесь появляются разноцветные объемные картинки, но все это на пару этажей ниже. Карниз широкий – сантиметров пять или шесть. Свободной рукой я цепляюсь за щели в камнях. Мы движемся довольно быстро и безо всяких приключений. Затем поднимаемся еще на три этажа, оттуда прыгаем на крышу соседнего дома и срываемся.

Решетка на краю крыши не выдерживает нашего общего веса, да и прыгнул я не очень удачно.

Я успеваю уцепиться за подоконник на девятом этаже. Но в квартире кто-то есть. Человек открывает окно и смотрит на нас. Это пожилой мужчина с бородкой. Он хватается за цветочный горшок и начинает колотить меня по пальцам. Горшок разбивается, и фикус валится мне на голову; у меня полный рот земли. Я подтягиваюсь на руке, но он вонзает в нее какой-то острый предмет, судя по ощущению, это ножницы. Потом хватается за табурет и бьет меня по голове. Я-то не боюсь, но вот девушку он может поранить. Я делаю еще одно усилие и запрыгиваю в комнату. Мужчина целится в меня из пистолета, но я успеваю среагировать раньше. Пуля застревает в оконной раме.

– Убей его, это приказ, – говорит она.

– Это не обязательно делать, – говорю я.

– Ты не можешь не подчиниться.

– Да, я не могу. Но ты можешь изменить свое решение.

Она задумывается на мгновение.

– Какая тебе разница? Это твой родственник?

– Нет, это не мой родственник.

– Значит, ты его никогда не видел. Он же первым выстрелит тебе в спину, как только ты отвернешься! Его нужно убить.

– Это займет не меньше часа, – явно преувеличиваю я, но, кажется, она верит. И мои слова решают дело.

– Хорошо. Если ты считаешь, что это не обязательно. Я отменяю приказ, но мы еще поговорим об этом.

Мы привязываем старика к батарее и уходим. Напоследок он кусает меня за руку. В его глазах люта ненависть, хотя я только что спас его жизнь. На самом деле он прав, это ведь мы ворвались в его квартиру.

– Прости, дедуля, – говорю я, но он плюет мне в лицо. Хорошо, что хоть не кричит, а то поднял бы весь подъезд.

Однако нам не удается уйти так просто. Я слышу, как кто-то врывается в подъезд, на первом этаже топот многих ног, невнятные крики и грохот чего-то упавшего. Мы бросаемся вверх по лестнице. Люк, ведущий вверх, закрыт, но я сбиваю замок. Крыша плоская и ограждена невысоким бортиком. До ближайшего дома – метров пятнадцать пустоты. Столько мне не перепрыгнуть, а особенно с грузом за плечами. Я втягиваю лестницу за собой и заклиниваю ее дверцу, ведущую на крышу. Это занимает еще несколько секунд, но, надеюсь, задержит преследователей хотя бы на минуту.

Посреди крыши – высокая, метров двадцать, штанга телеантенны. Я срезаю три растяжки, которые ее держат, и штанга начинает раскачиваться. Она еще закреплена четырьмя большими болтами. Я выкручиваю один, потом второй, остальные лопаются, и она валится на бок, ломая бортик на краю крыши. Я сталкиваю стальной прут вниз, так, чтобы его тонкий конец попал в одно из окон на противоположной стороне улицы. К счастью, попадаю с первого раза.

Тут моя спутница подает голос.

– Мы что, собираемся идти по этому? – удивляется она.

– Она очень хорошо обледенела, – говорю я, – и застряла под удачным углом. Мы сможем соскользнуть по ней.

– Мы сорвемся или разобьемся о стену.

– Риск всегда существует.

Я выдвигаю из запястья пару крючьев и поворачиваю их так, чтобы они охватывали штангу с обеих сторон. Это вам не человеческая рука с ее слабыми пальцами. Мы прыгаем и скользим вниз. Я неплохо спружиниваю ногами, сразу же переворачиваюсь и запрыгиваю в

окно. Пока все проходит отлично, если не считать нескольких порезов острыми кусками стекла. На этот раз квартира пуста, так мне кажется поначалу.

Но только поначалу. Из темноты на меня бросается тень. Это не собака, собака не станет атаковать молча. Тем более, что собака не может двигаться настолько бесшумно. Это леопард, генетическая модификация леопарда. Их обычно использую для охраны богатых квартир. Стоят они безумно дорого, потому что не размножаются естественным путем. Зверь весит килограмм шестьдесят, поэтому он сбивает меня с ног. Все дело в неожиданности атаки. Поднявшись, я оттаскиваю его за хвост и запихиваю под стол.

Потом сбрасываю штангу вниз, предварительно посмотрев, нет ли внизу людей. Она грохается на мостовую со звоном.

– Что ты с ним сделал? – спрашивает она.

– Я не хотел его убивать, поэтому просто усыпил. На теле любого живого существа есть точки, позволяющие его отключить. Даже на твоём теле.

– Он спит?

– Не совсем. Скорее можно сказать, что он парализован.

– Почему ты не хотел его убивать?

– Слишком большой ущерб. Это благородное животное дорого стоит. Мы и так оставили без телевидения целый дом. Хорошего должно быть понемножку. А тем более плохого.

– Почему? – удивляется она.

– Это трудно объяснить. Ты должна это почувствовать сама. Когда-нибудь так и будет.

– «Хорошее» и «плохое» это просто слова, – возражает она. – Что хорошо для одного, то плохо для другого. А потом вы меняетесь ролями, вот и все.

– Я же сказал, ты просто этого еще не почувствовала. Кстати, я не могу с тобой нормально общаться. Я до сих пор не знаю, как мне тебя называть.

– Называй меня «госпожа».

– Мне это не нравится. Это напоминает мне какую-то старую сказку.

– Я могу приказать.

– Не думаю, что ты настолько закомплексована.

Похоже, что она собирается сказать какую-нибудь колкость, только не может придумать какую.

– Хорошо. Тогда называй меня «Госпожа К.» Так лучше?

– Так сойдет. Но это напоминает мне Кафку. Он любил этой буквой своих персонажей.

– Ты читаешь книги? – удивляется она. – Находишь время?

– В свое время я поставил себе блок быстрого восприятия информации. Я читаю по двадцать страниц в минуту.

– Тогда называй меня любым именем, каким захочешь.

– Будешь Кларой, – говорю я.

Я отпираю дверь, и мы без приключений уходим.

6

Я никого не вижу, хотя погоня наверняка идет по нашим следам. У меня есть несколько вариантов действий, но все они сводятся к одному: поначалу нужно оторваться от преследователей. В метро это сделать легче всего. Под городом такая паутина линий, что проследить передвижение отдельного человека просто невозможно. Большинство преступлений совершаются именно в метро, потому что слой почвы экранирует и отражает сигналы, идущие от индивидуальных чипов, и спутники не могут их отслеживать. На каждой станции есть системы ретрансляции, теоретически они должны быть и в каждом вагоне, но, на самом деле, система срабатывает не всегда. Например, убийство, грабеж или любое другое серьезное преступление, абсолютно невозможное на поверхности земли, иногда случается здесь. Впрочем, это происходит настолько редко, что никто не считается с этой опасностью. Последний успешный террористический акт случился тоже здесь, но это было очень давно, еще до моего рождения. Я решаю добраться до местной линии Софьино – Троицк – Подольск. На линии всего три станции, зато в Подольске есть переход на несколько глубоких скоростных линий, ведущих к окраине. Там мы и затеряемся.

Наземная часть города – это только вершина айсберга. Гораздо больше находится под землей. Я говорю не только о десятках подземных этажей (или даже сотнях, как в некоторых районах исторического центра, на Кутузовском, например); ниже линий метро идут грунтопроводы и топливные магистрали. Еще ниже – производства обслуживания, они поставляют городу пищу, воду, лекарства, химию, предметы быта. Пищевые производства занимают громадные площади и объемы. А еще ниже расположены несколько магматических электростанций, снабжающих город дешевой энергией. Все это тянется не менее чем на пятьдесят километров в глубину. А раз так, то появляются вертикальные и наклонные линии метрополитена. Есть немало резервных, летних линий, которые включаются лишь в сезон наплыва гостей. Существуют закрытые линии, военные линии, убежища гражданской обороны и секретные линии, соединяющие их между собой.

До Софьино примерно три километра. Уже наступила ночь, и автомагистраль отключена. Машины стоят ровно и аккуратно, в шестнадцать рядов, расставленные в шахматном порядке, так, что зазор между бамперами всегда пятнадцать сантиметров. В пять утра магистраль включится, и все машины придут в движение, поедут одной ровной полосой, перестраиваясь лишь на специальных развязках. Спутник будет поддерживать все тот же пятнадцатисантиметровый зазор. Несмотря на такую точность, автокатастрофы все же случаются. Но в любом случае человеку здесь делать нечего.

Зато вдоль тротуара идет движущаяся полоса шириной в два с половиной метра. Это пешеходная дорожка, которая доставит нас к станции примерно за десять минут. Она изготовлена из гибкого материала, который может растягиваться сильнее, чем змеиная кожа. Когда ты заносишь ногу над дорожкой, кусочек полотна на мгновение замедляется, а потом снова догоняет остальную часть дороги. На самом деле это удобно лишь тогда, когда нет большой толчеи. Например, ночью.

Я становлюсь на дорожку, но она неожиданно останавливается. От удивления я чуть не падаю. Это невозможно – это так же невозможно, как если бы в кране закончилась горячая вода или в доме отключили электричество. Такого просто не бывает, это против всех законов природы. Бегущая дорожка не может остановиться.

Тем не менее, она стоит.

– Что это значит? – спрашиваю я Клару.

– Ее отключили. Они не хотят, чтобы мы добрались до станции.

– Как может кто-то отключить дорожку?

- Они могут все.
- Кто такие «они»?
- Тебе не обязательно знать.

Я хватаю ее за руку, и мы бежим. Три километра – это ведь не так много. Это короткая дистанция даже для разминки. Меньше чем восемь кругов по стадиону. Для разминки я обычно пробегаю десять. Дальний свет фар освещает нас сзади. Поначалу я не реагирую на это: магистраль отключена; ночью движется лишь подземный транспорт. Но волна рева нагоняет нас сзади. Я оборачиваюсь и вижу автомобиль, несущийся на нас прямо по пешеходной дорожке. Ноги срабатывают прежде, чем я успеваю оценить этот нонсенс – мы бросаемся вниз по склону и скатываемся к самой реке.

На реке непрочный лед, но, надеюсь, что он нас выдержит. На другом берегу есть еще одна пешеходная дорожка. Возможно, она не остановится. Мы бежим по льду; я ощущаю, как он прогибается под моими ногами. Ширина реки всего-то метров пятьдесят. Мы добираемся благополучно. На последнем метре у Клары проваливается нога и погружается в ледяную жижу по колено.

- Если бы мы провалились? – спрашивает Клара.
- Я бы тебя вытащил. У тебя обычные легкие или амбиланг?
- При чем здесь легкие! Я же замерзну в ледышку!

Не может быть, чтобы ее организм оказался настолько несовершенным, что не может поддерживать собственную температуру. В наше время только ненормальные не ставят себе системы терморегуляции. Такие системы очень дешевы, они есть даже у бездомных бродяг, которые спят на улицах зимними ночами.

На другом берегу в кустах слышен шорох. Три тени спускаются по склону. Вначале я не понимаю, что это, из-за темноты, но потом настраиваю глаза и вижу, как к реке подходят три стальных волка.

В свое время я встречался с этими механизмами на арене. На показательных выступлениях. Что-то вроде современной имитации гладиаторских боев. Мне даже приходилось драться одному против двоих. Я знаю их устройство и знаю все их уязвимые точки. Но я знаю так же и то, что с тремя одновременно мне не справиться, в какой бы хорошей форме я ни находился. Стальные волки работают в группе. В этом их сила и преимущество. Они всегда нападают с разных сторон, неожиданно и согласованно.

Волки уже ступили на лед. Они движутся медленно и осторожно, боятся провалиться. Вес каждой такой машины около ста килограммов. Возможно, лед не выдержит, но глупо было бы надеяться только на это. К тому же, несмотря на большой вес, они умеют плавать.

– Поднимись наверх, – говорю я Кларе, – и поезжай к станции. Или нет, лучше подожди меня. Там может быть еще кто-то.

Она начинает карабкаться по склону, выложенному темной полупрозрачной плиткой. Днем эту плитку включают, и она начинает работать как огромный экран длиной в несколько километров. По нему бегут рекламные слоганы, вперемешку со строками последних анекдотов. Но сейчас экран отключен. Плитка гладкая и скользкая. Ничего, поднимется как-нибудь.

Я иду навстречу волкам. Они уже достигли середины реки. Заметив мое приближение, они останавливаются, потом начинают расходиться в разные стороны, чтобы напасть по одиночке. Возможно, что один из них займется Кларой, а двое будут атаковать меня.

Но этот вариант у них не пройдет. Я выстреливаю четыре крюка в обе стороны и ломаю ими лед. Он здесь совсем тонкий. Ближайший ко мне волк прыгает, но лед ломается под его лапами. Второй бросается на меня, но я проламываю большую дыру прямо перед собой и откатываюсь в сторону. Этот тоже в воде. Остается третий. Я поднимаюсь на ноги, но в этот момент лед трескается, не выдержав моего веса. Волк аккуратно обходит полынью. Скорее всего, он

оставит меня плавать в этом ледяном месиве, а сам поспежит за Кларой. Я выстреливаю в него еще один крюк, и металл защелкивается на его задней лапе. Не все так просто, животное.

Два других уже подбираются ко мне, поэтому приходится глубоко нырнуть. Настраиваю глаза и вижу множество рыб. Рыбы в этой речке больше, чем в хорошей ухе. Я почти уверен, что все это генетические модификации, а не настоящие карпы, сазаны и форели. Чувствуешь себя так, будто свалился в аквариум. Понемногу подтягиваю тросик. Вот они, все три зверя, барахтаются надо мной. Нужно спешить, нужно разделаться с ними, пока они не сумели снова выбраться на лед. Они должны дышать воздухом, и это мне на руку. Одного из них можно утопить прямо сейчас.

Подтягиваю тросик, и вижу, как зверюга отчаянно бьет лапами по воде, погружаясь. Нужно опасаться когтей. Они у волка острые как хорошие лезвия. С первым справляюсь без особых проблем. Минута – и он перестает дергаться. Остаются еще два. Один из них уже забрался передними лапами на лед. Вонзаю жало ему в брюхо, поворачиваю несколько раз. Со вторым тоже порядок. С отличие от нас, эти машины не умеют восстанавливаться.

Подплываю к краю полыньи и пытаюсь выбраться. Лед крошится под пальцами, полынья расширяется все больше и больше. Наконец подтягиваюсь и ложусь грудью на край. Одежды на мне немного, но она все же намочена и тянет вниз. Постепенно выбираюсь. Волк тоже выбирается, но с противоположной стороны. Мы смотрим друг на друга, потом он разворачивается и осторожно идет в обратную сторону. Механические звери имеют что-то подобное инстинкту самосохранения – в этом их и достоинство и недостаток одновременно. Они не хотят умирать, если не видят возможности выполнить задание.

Клара уже поднялась к пешеходной дорожке. Я делаю то же самое без всякого труда. Дорожка движется. Нормальная дорожка, такая же, как все. Мы становимся на нее, и полотно ускоряется, почувствовав вес пассажира.

Площадка перед станцией практически пуста и хорошо освещена. Здесь никого нет, кроме одиноко стоящего человека в коротком коричневом плаще. Человек оборачивается, услышав наши поспешные шаги, и внимательно смотрит на нас. Затем достает из-под плаща нечто напоминающее трость. Я останавливаюсь, затем снова иду вперед. На этот раз медленно. Я стараюсь не смотреть на человека в плаще, но краем глаза контролирую все его движения. Мне совсем не нравится эта его трость.

Станция представляет собой не очень высокую усеченную пирамиду, украшенную лепными изображениями различных мифических зверей, деятелей культуры и президентов прошлых эпох. Особо одиозные личности вылеплены крупнее и объемнее. Каждая из колон украшена портретом какой-то древней личности. Я останавливаюсь у портрета злого человека в круглых очках и с короткой стрижкой. Он смотрит на меня укоризненно.

– Почему мы остановились? – спрашивает Клара.

– Я не могу пройти дальше. Защитное поле.

Она протягивает руку вперед, и рука натывается на невидимую преграду.

– Что? Что это такое?

– Защитное поле используется для создания прочных ограждений небольшого размера, – тихо говорю я. – Бывает круговое и гиперболическое. Круговое используется только для защиты, гиперболическое – для нападения. В данном случае имеем круговое, в форме купола.

– Ты говоришь, как будто читаешь из учебника.

– Из военного устава, – отвечаю я. – Полтора года прослужил в армии. Летал на «зубочистках».

«Зубочистками» называют небольшие одноместные военные самолеты, пикировщики, отличающиеся сверхвысокой маневренностью. На самом деле я летал на них всего несколько раз.

– И что теперь? – спрашивает она.

Я оборачиваюсь к человеку в плаще. Он улыбается.

– Не будете ли вы так любезны поскорее это убрать? – спрашиваю я с изысканной вежливостью. – Мы с подругой очень спешим.

Человек в плаще не спеша откручивает ручку трости и вытаскивает нечто, напоминающее двухметровую плеть. Отбрасывает плеть назад, так, будто собирается нас хлестнуть. Плеть начинает светиться, это заметно даже при хорошем освещении. Я отхожу назад и тащу Клару за собой. Человек в плаще подходит ближе. На камне, в том месте, где только что лежал кончик плети, осталась проплавленная ямка приличных размеров. Нам остается только бежать. Вопрос только в том, куда бежать.

И в этот момент я слышу голоса. Еще человек шесть в военной форме подходят к станции. Они весело болтают и не обращают на нас внимания. Кажется, это просто люди. Я подхожу к ним.

– Вы не скажете, который час? – спрашиваю я.

– Двенадцать пятнадцать, – отвечает один из них, не глядя на часы. Большинство людей имеют вшитый таймер, который очень точно отмеряет не только время дня или ночи, но и определяет время между любыми двумя событиями.

Мы с Кларой пристраиваемся к военным и заходим в станцию. Защитное поле отключено. Кем бы ни был человек в плаще, он не захотел связываться. Надеюсь, что мы его больше не увидим.

Мы спускаемся на несколько уровней и попадаем в торговый комплекс. Внутри довольно много людей, несмотря на поздний час. Клара покупает недорогую Е-книгу, на двести тысяч томов. На самом деле это микрокомпьютер, содержащий в памяти текстовую информацию и небольшое количество картинок.

– Люблю почитать в дороге, – сообщает она.

– Дорога будет долгой?

– Скоро увидишь.

7

Мы выбрали одну из самых глубоких линий метро. Я не уверен, но кажется, что она идет на глубине километров двенадцать или тринадцать. Номер линии двадцать третий, это означает, что над нами еще двадцать два яруса железных дорог, платформ, станций, ресторанов, небольших отелей, комнат отдыха, стадионов, музеев, баров, кинотеатров и всего прочего. Под землей есть все, кроме вредных производств.

Поезд движется в металлической трубе, поддерживаемый со всех сторон кольцевым магнитным полем. Наша скорость невелика, но выше, чем скорость автомобиля. Остановки – каждые пятнадцать минут. В вагоне никого нет, кроме нас и двух очень опрятно одетых карликов, разговаривающих визгливыми голосами.

– От кого мы бежим? – спрашиваю я.

– Я не знаю. То есть, я не знаю их в лицо.

– Их много?

– Да. Немало. Точнее я не могу сказать.

– Насколько они сильны?

– Не имею представления, – отвечает она.

– Весьма точная информация. Тогда как я могу тебя охранять?

– Очень просто. Ты должен следить за тем, чтобы не один человек не смог прикоснуться ко мне. Ни рукой, ни ногой, ни даже рукавом. Кем бы он ни был.

– А как же я? Я ведь тоже человек.

– Что касается тебя, то я сама не позволю к себе прикоснуться.

Некоторое время мы молчим. Слышно, как свистит воздух за иллюминаторами поезда, и как щебечут карлики, обсуждая проблемы школьного образования и новую педагогическую идею функционального ребенка.

– А ведь ты сказала правду, – говорю я. – У тебя на самом деле нет чипа. Вначале я не поверил. Я понял это тогда, когда ты приказала убить того старика.

– Не вижу связи, – отвечает она.

– Если бы ты имела чип, нас бы уже взяли. Ты хотела совершить убийство, а Фемида это запрещает. Если бы у тебя был чип, мы бы не ехали сейчас в этом вагоне. Фемида на самом деле тебя не видит. Избавиться от чипа невозможно. Значит, ты такая с самого рождения. Сколько тебе лет?

– Сколько угодно, – отвечает она. – Сколько бы ты хотел?

– Побольше, чем есть сейчас.

– На сколько я выгляжу? На восемнадцать? Тебе не нравятся молодые девушки?

– Я робею в их присутствии. Мне трудно с ними говорить.

– Ты такой скромный?

– Нет, просто они слишком глупы для разговора. Восемь из десяти имеют извилин не больше, чем резиновые куклы. И они абсолютно правы: пара стройных ног прекрасно заменяет десяток кривых извилин. И дает гораздо больше жизненных преимуществ. Девочка растет, растет, набирает критическую массу, а потом взрыв глупости и взрыв красоты происходят одновременно.

– А оставшиеся две из десяти? – спрашивает она.

– Они прекрасны в любом возрасте. Но я бы предпочел двадцать пять.

– Тогда смотри. Смотри внимательно.

Я смотрю внимательно и вижу, что ее лицо начинает постепенно меняться. Сглаживаются детские черты, появляется тонкость и серьезность, и даже некоторая изношенность, какая бывает на лицах женщин, порою не имеющих сил следить за собой. Сейчас ей на самом деле

не меньше двадцати пяти. Боковым зрением я вижу, что карлики замерли и уставились на нас во все глаза.

– Я тебя удивила? – спрашивает она.

– Это технологии завтрашнего дня. Я даже не слышал о таком.

– Ты еще о многом не слышал. А теперь смотри. – Она протягивает мне Е-книгу.

Я смотрю на страницу и вижу, что Клара читала «Журавль» Хлебникова. Для глупой девочки это действительно круто.

– Ты сразила меня наповал, – говорю я.

Она лишь успевает открыть рот, желая что-то ответить, но поезд резко останавливается, так, будто наткнулся на резиновую стену, и мы все летим по салону, ударяясь о поручни. Несколько ламп сразу гаснет.

Я поднимаю ее голову. В ее щеке – глубоко вонзившийся осколок стекла. Я выдергиваю, и она кричит, визжит как резанная. Щека распорота, кровь хлещет, на лбу громадный кровоподтек. В этот момент я вспоминаю, что у моей спутницы нет батареек.

– Открой рот! – Кричу я. Она слушается. Во рту ничего не разглядеть, слишком много крови. Если поврежден какой-нибудь крупный сосуд, ей конец. Но возможно, ничего страшного, просто порезан язык. Там, в глубине, есть крупные артерии, но они слишком хорошо защищены.

– Выплюнь кровь! – кричу я.

Она сплевывает на пол огромный темно-красный сгусток, а потом еще один, яркий.

– Открой рот!

Артерии целы. Для паники нет причин. Пока. Я поднимаю ее за руку и ташу к двери. Нужно спешить. В воздухе уже пахнет гарью. Выбиваю дверь.

Поезд лежит на дне тоннеля, слегка наклонившись на бок. Магнитное поле выключено. Зазор между стенками сантиметров сорок. Достаточно, чтобы протиснуться. Вагон подрагивает, будто живой, какие-то механизмы все еще работают внутри. Эта махина может внезапно сдвинуться с места и раздавить нас как букашек. Мы движемся в сторону переднего вагона, потому что сзади подступает огонь. Карлики идут за нами, но держатся на расстоянии.

– Ты знаешь, что это было? – спрашиваю я.

Она кивает головой. Скорее всего, она не может говорить.

Мы пробираемся в кабину. Разумеется, она пуста: девяносто девять процентов транспорта обслуживаются исключительно электронными системами. Поезда подземки допускают ручное управление, но люди их ведут только в последний путь – на слом, когда они отживают проектный срок. Итак, мы в кабине. Впереди – тьма. Карлики куда-то исчезли, скорее всего, вернулись в вагон.

Вдруг что-то мягкое шлепается на лобовое стекло, нечто, похожее на голубую резиновую присоску. У него шесть довольно длинных и тонких щупальцев, которые пытаются присосаться к стеклу. Это магнитная медуза, паразитический организм, питающийся энергией магнитного поля. На верхних уровнях подземки их практически нет, зато на нижних, скоростных, их достаточно. Никто толком не знает, опасны ли они для человека. Скорее всего, нет. Хотя, на самом деле, они могли бы питаться и биополями нашего организма. Но я не слышал ни об одном случае нападения. Скорее всего, наши поля для нее слишком слабы. Появляется еще медуза, а потом сразу несколько.

– Клара, – спрашиваю я, – ты заметила, что они все собрались на *твоей* стороне стекла?

Она кивает. Только слепой мог бы этого не заметить.

– Они тебя чувствуют?

Она кивает снова.

– Но они никогда не реагируют просто на человеческий организм. У тебя есть что-то такое, что они видят?

Она показывает мне пальцами, чтобы я закрыл свой рот. Я подчиняюсь.

Отсюда, из этой кабины, теоретически, можно было бы вести этот поезд. Но только теоретически: чтобы подключиться к системе управления, нужно знать ключ. И, даже зная ключ, мы ничего не смогли бы сделать – у нас нет карты маршрутов, мы не знаем, как работать с программой, да и система никогда не даст нам разрешения. Мы ведь не имеем лицензии. Так что ситуация на самом деле невеселая. Клара нажимает что-то и включается экран. В темноте он кажется зеленым и текучим, словно поверхность глубокого моря в солнечный день. Клара кладет руку на панель, и на экране появляются буквы.

«Сядь в кресло и крепче держись. Старт будет быстрым».

Я абсолютно точно видел, что Клара не набирала этот текст. Он просто появился. Медузы начинают барабанить по стеклу, слегка подпрыгивая. Они переползают с места на места. Теперь я точно уверен, что Клара имеет что-то очень вкусное, с их точки зрения. Но в ее одежде нет карманов. При ней нет сумочки. Даже Е-книгу она оставила в вагоне. Это значит, что нечто вкусное находится внутри нее. Какая-нибудь особая магнитная система, усиливающая одну из функций организма. Почему бы и нет?

Клара сидит с закрытыми глазами, держа руку на пульте. Я все еще не верю, что она сможет сдвинуть этот поезд с места. Весь транспорт планеты управляется единой системой. По старой памяти мы называем эту систему компьютерной или электронной. На самом деле она отличается от примитивных компьютеров двадцать первого века примерно так же, как гепард отличается от микроба. В свое время она возникла как объединение многих небольших компьютерных сетей, которые обеспечивали безопасное движение миллионов и миллионов транспортных потоков. Несколько позже система стала замкнутой и абсолютно стабильной, в нее была введена функция саморазвития. С тех пор не разбился ни один самолет, и ни один поезд не сошел в рельс. Аварии случаются с частными автомобилями, которые, по каким-то причинам, не были подключены к общей сети. Аварии случаются и на дорогах, когда частный автомобиль начинает мешать общему согласованному движению.

Но транспортная система и Фемида – это не единственные вполне самостоятельные электронные сети на нашей планете. Существует еще несколько подобных монстров, например, банковская система, информационная, система «Библиотека», развлекательная система и система «Альянс». Последняя занимается подбором идеальных брачных и сексуальных партнеров среди всех ста семидесяти миллиардов населения планеты, причем делает это просто потрясающе. Есть еще довольно скучная система, контролирующая все предприятия тяжелой и добывающей промышленности, и абсолютно бесполезная, на мой взгляд, военная система «Милитар». С тех пор, как исчезли государственные границы, на земле не осталось врагов. Терроризм, в принципе, прекрасно контролируется Фемидой. Не знаю, с кем собираются сражаться военные, разве что, с инопланетянами. Кроме всего этого, существует множество более мелких систем и подсистем разного уровня и направленности, заканчивая самыми мелкими и бесполезными, вроде магнитных медуз, которые возникли сами собой, существуют и размножаются подобно живым организмам. Все это образует целую электронную биосферу земли, возможно, не менее мощную, чем первичная белковая биосфера.

И вдруг поезд трогает с места. «Трогает с места» – это слабо сказано. Он дергает так, что я едва не вылетаю из кресла. Мы стартуем назад и сразу же набираем такую скорость, на которую эти поезда явно не рассчитаны. Мы пролетаем сквозь облако искр и дыма, что-то взрывается, что-то стреляет вокруг нас, – затем выходим в светлую часть тоннеля. Наружные осветители здесь, насколько я помню, стоят на расстоянии сто метров друг от друга, но сейчас они мелькают с такой скоростью, что мне становится страшно. Мы идем километров двести пятьдесят в час, не меньше того. То есть, скорость вдвое выше обычной. Повороты здесь достаточно плавные, но каждый раз меня прижимает, будто на центрифуге. Пролетает

несколько калейдоскопических станций, на такой скорости, что я не успеваю рассмотреть что-либо, кроме цветных пятен. Несколько раз мы сворачиваем довольно резко. На самом деле здесь, под землей, есть целая паутина дорог, некоторые из которых почти не используются. Сомневаюсь, что существует хотя бы один человек, который помнит и знает все эти станции, повороты и развилки. Значит, нас ведет не человек, а электронная система. Я успокаиваюсь. Не знаю, как Клара сумела подключиться, но ее ловкость в обращении с банковской системой я уже имел случай наблюдать.

Мы останавливаемся в полной темноте. Я ощущаю, как поезд медленно оседает, ложится на дно тоннеля. Затихают моторы, становится совершенно тихо. Так тихо, как может быть лишь на очень большой глубине, очень далеко от всякой человеческой деятельности и жизни. Тихо, как в гробу. Судя по акустике, справа от нас – пустое пространство – там должна быть станция. Клара открывает глаза, не снимая руки с пульта. «Мы приехали», – появляется на экране. Начинают зажигаться лампы, вначале один ряд, затем второй, третий, четвертый. Некоторые так и остаются темными. Это действительно станция, мертвая, как доисторический череп. Не знаю, почему она производит такое впечатление. Ровный каменный пол, аккуратный свод потолка, несколько колонн с той стороны, где потолок опускается ниже. Выцветшая мозаика на стенах, изображающая неизвестные мне радостные события. Там же, у стены, стоит некая статуя с вытянутым указующим перстом, но я не могу вспомнить, кого она изображает. *Sic transit gloria mundi*. Я снова поражаюсь тишине, как вещи, совершенно исчезнувшей из нашего мира, в котором все ползет, ворочается, перемещается, ломает, строит, продает, веселится, и все это без остановки. Наш мир – это мир глагола. В нем нет места тишине. Такая тишина, как здесь, невозможна ни в одном месте на поверхности земли. Мы действительно находимся на жуткой глубине. Поблизости нет ни одного человека, иначе в такой тишине мы бы услышали его дыхание, нет ни одного работающего механизма, иначе мы бы слышали его ход. Тишина не просто мертвая, не просто гробовая, она мертвенная, с явным оттенком смерти.

Я встаю, и тишина сразу исчезает, я нарушил ее своим движением. Странная атмосфера смерти сразу рассеивается. Я вспоминаю, что в одном из вагонов остались карлики, значит, мы не одни в этом жутком месте. Мы с Кларой выходим на платформу. Я уверен, что нога человека не ступала сюда несколько десятилетий. Пыли совсем немного, да и откуда ей взяться в этом склепе? По полу разбросаны довольно странные вещи, или существа – я не знаю, как их называть – это нечто мелкое, явно механической природы, явно мертвое и даже высохшее, если только можно применить это слово к механизмам.

Наклонившись, я рассматриваю одно из таких существ. Оно большей частью металлическое, имеет панцирь и устройства для передвижения. Я переворачиваю его и вижу, что оно пусто внутри. Это напоминает панцирь, сброшенный механическим раком.

– Они растут? – спрашиваю я Клару.

Она кивает. Ее лицо выглядит жутковато. Да и одежда тоже – вся в крови. Но рана на щеке уже подсохла.

Они растут и линяют, сбрасывая панцирь, который стал маленьким и тесным. Они живут здесь, не зная другого мира. Жизнь упряма штука. Говорят, что бактерии могут выжить даже на луне. Тогда почему бы не жить здесь механическим ракообразным? Ведь условия здесь гораздо комфортнее, чем на поверхности ночного светила.

Из третьего вагона выходит карлик. Почему-то один. Он подходит к нам.

– Мертвая станция, – осмотревшись, говорит он визгливым голосом.

– Здесь обязательно должен быть выход наверх, – говорю я.

Карлик смотрит на Клару и неожиданно бросается к ней. Я не останавливаю его. «Карл у Клары украл кораллы», – вдруг вспоминаю я, и мне становится смешно. Карлик совершенно безопасен, в физическом смысле. И он не имеет никакого оружия. Это я уже проверил. Если

он проявит хоть малейшую агрессию, я его вовремя остановлю. Он даже пальцем не успеет пошевелить, как останется без пальца. Карлик хватает Клару за руку и с жаром жмет ее.

– Вы нас спасли! – восклицает он.

Клара выдергивает руку и отталкивает его. Карлик насупливается обиженно.

– Я всего лишь хотел поблагодарить, – говорит он.

В этот момент включается эскалатор. Мы подходим к движущейся лестнице и, и я вижу, как вверху зажигаются огни. Цепочка оживающих огней бежит вверх и вверх, уходит на такое расстояние, что ее конец становится невидим. Все в порядке. Нам в эту сторону.

Пару часов спустя мы оказываемся на одном из живых ярусов. Людей немного, но достаточно, чтобы мы не привлекали внимания. Клара прикрывает лицо платком. Подходит поезд и выпускает группу людей. Карлика уже нет с нами.

– Мы садимся? – спрашиваю я.

– Нет, – отвечает она. – Мы уже на месте.

Ей трудно говорить, и слова неразборчивы.

– Ты позволил ко мне прикоснуться, – добавляет она.

– Карлик не представлял опасности.

– Не позволяй никому ко мне прикасаться. Больше никому. Это приказ.

8

Через некоторое время мы оказываемся на поверхности. Мы все еще в городе, я не могу сказать где. Наверняка это все еще Москва, которая проглотила и переварила все города километров на четыреста от своего центра. Стандартные тридцатипятиэтажные спальные корпуса. Чистое зимнее небо светится глубокой предрассветной синевой, и серые бетонные стены кажутся в этом сиянии голубыми. В одном из черных квадратов окон я вижу зеленые светящиеся цифры часов и сверяю их со своим внутренним временем (у меня есть встроенный органический таймер, не лучшей модели, который иногда отстает). Пять минут шестого. Скоро рассвет. Я совсем не спал этой ночью и уже начинаю ощущать усталость.

– Когда это кончится? – спрашиваю я. – Когда мы придем?

Она останавливается. В ее глазах ужас, который никак не вяжется со спокойствием спящей улицы вокруг нас.

– Это был он, – говорит Клара.

– Кто он? – спрашиваю я.

– Карлик. Это был он. Он ко мне прикоснулся. Он специально бросился ко мне.

Она поднимает ладонь руки к своим глазам и внимательно смотрит на нее. Я смотрю тоже. Ничего особенного. Пальцы слегка припухли. Возможно от мороза. Сейчас не меньше, чем шесть градусов ниже нуля. Или семь. Довольно зябко. Рукавички бы не помешали.

– Ты уверена? – спрашиваю я.

– Абсолютно. Это вошло в мою руку.

– Что вошло?

– Некогда объяснять. Оно уже болит. Скоро это будет очень больно. Мы должны успеть.

– Что успеть?

– Хорошо, что это всего лишь рука. Ты должен ее отрезать.

– Без проблем, – говорю я. – Потом мы вставим хорошую большую батарею, и рука отрастет заново. Надеюсь, здесь поблизости есть круглосуточные аптеки, где можно купить хирургический набор?

– Есть, – отвечает она. – Аптеки есть. Проблема в том, что я не умею отключать боль.

– Неужели до сих пор есть люди, которые не умеют отключать боль?

– Да. Как видишь, встречаются. В моем теле нет никаких дополнительных устройств. Никакой механики. Я на сто процентов биологична, как будто родилась минуту назад.

Я не совсем верю ее словам. Если бы это было так, медуз бы не тянуло к ней, как магнитом.

– Seriously? – спрашиваю я.

– Seriously.

– Тогда мы должны купить обезболивающее. Хотя бы что-нибудь.

Довольно быстро мы находим аптеку. Приходится долго стучать, прежде чем мегера в белом халате с алым крестом на левой груди открывает нам дверь. Вид моей спутницы достаточно красноречив; мегера кивает головой, поправляет очки и направляется к прилавку.

– Где это она так ушиблась? – спрашивает она.

Разбила оконное стекло, – отвечаю я. – Упала и разбила стекло головой.

Мегера смотрит на меня оценивающе. В байку о разбитии стекла головой, она, разумеется, не верит.

– Ну подрались, мы подрались! – кричу я. – Я не выдержал и бросил в нее пепельницу. Она схватилась за нож. Я вырвал нож и ударил ее в щеку. Хотел ударить в глаз, но не попал.

На этот раз объяснение подходит.

– Вам хирургический набор? – ледяным тоном спрашивает она.

- Пожалуйста, стандартный, шестой номер, – отвечаю я.
- Вы уверены? – недоумевает мегера. – Вы бы лучше обратились в больницу.
- Шестой номер, – повторяю я. – И обезболивающее. Четыре ампулы квадрокаина.
- Не дам без рецепта.

Она действительно не даст. Время от времени до аптек докатывается очередная волна борьбы с наркоманией, тогда начинают запрещаться все лекарства подряд, вплоть до самых безобидных. Хотя ни один, даже самый отпетый гений, не сумеет применить квадрокаин в качестве наркотика.

– Хорошо, – говорю я, понимая, что спорить здесь бесполезно. – Тогда давайте мне обычный новокаин.

- Много? – спрашивает она.
- Примерно ведро.

Ведро я, конечно, не беру, мне достаточно двух литров раствора. Кроме этого я приобретаю несколько самых больших, сорокакубовых, шприцов. Придется работать как в каменном веке. Продавщица смотрит на меня, как на сумасшедшего. Но никакого криминала в моих действиях нет, иначе Фемида уже вмешалась бы в процесс.

Она отпускает нам хирургический набор и лекарства, запирает за нами дверь. Напоследок крутит пальцем у виска.

– Теперь надо найти удобное место, – говорю я. – В принципе, подойдет все, что угодно.

Клара молчит. Ее лицо очень бледно, и выглядит она гораздо хуже, чем несколько минут назад.

- Тебе больно? – спрашиваю я.
- Делай это скорей, иначе будет поздно.

Я беру ее руку и ощупываю. Примерно до уровня кисти, или чуть выше, она заметно опухла и стала жесткой. Что же, будем ампутировать по локоть.

– Будем ампутировать по локоть, – говорю я. – Но я должен знать, с чем имею дело. Если оно разносится с кровью, то резать бесполезно.

– Оно не разносится с кровью. Я чувствую, как оно ползет внутри меня.

– Тебе повезло, что малыш не поцеловал тебя в щечку, – говорю я. – Пришлось бы отрезать голову.

Подходящее место я нахожу без труда. Для меня главное, чтобы было поменьше зрителей. К счастью, сейчас еще очень рано, слишком рано даже для девочек, выгуливающих собак. Я выбираю в парке две скамейки со столиком посередине и раскладываю инструменты. Стерильность меня не волнует. Максимум через несколько часов мы вставим батарею, и все будет в порядке. Я надеюсь, что Клара все-таки доведет меня до цели, где бы она ни была, и какой бы она ни была. А если не доведет, я все равно достану батарею, и хотел бы я посмотреть на того, кто сможет меня остановить. Я почему-то принимаю это дело близко к сердцу. Не могу сказать, что я в восторге от этой дамочки, но все-таки, я не позволю ей умереть. Умирать и курице не хочется, тем более человеку. Смерть – это слишком серьезная цена. В мире нет такой вещи, за которую стоило бы так платить.

– Смотреть будешь? – спрашиваю я. – Или закроешь глаза? Зрелище не из приятных, зато интересно.

Она закрывает глаза. Я разрезаю ей рукав куртки до самого плеча и затягиваю жгут. Максимум через два часа его нужно будет снять. В оставшейся части руки будет очень мало крови, а это грозит серьезным обморожением. Батарея, конечно, дело поправит, но лучше учесть это обстоятельство. Набираю здоровенный шприц и быстро вгоняю его в мышцу, чуть повыше локтя. Церемониться здесь нечего. Потом второй шприц, третий и четвертый. Рука начинает серьезно распухать. Меня это не волнует. Если Клара не может отключить боль сама, я сделаю

это вместо нее. В любом случае, она почувствует, как я режу. Так пусть она чувствует это как можно меньше.

Рука продолжает распухать. Сейчас она выглядит так, будто под кожу всунули хорошо надутый футбольный мяч. Наша кожа очень эластична, особенно в молодости, и это растяжение – еще не предел. Я вонзаю очередную иглу, но из-под нее вырывается фонтанчик новокаина: внутри слишком сильное давление, и лекарство начинает выливаться наружу через отверстия, оставленные иглами. Накачать руку сильнее я уже не смогу.

Правой рукой я прижимаю ее плечо, а левой начинаю резать. Она дергается, но молчит. Знаю, что неприятно, но потерпи. Очень любопытное устройство сустава, я такого уже давно не видел. Стандартный не модифицированный локтевой сустав. Такой носили наши предки и двести лет назад и двадцать тысяч лет назад. Ограниченная подвижность, невозможность вмонтировать гидравлический усилитель. Сейчас вряд

ли кто поставит себе такое. Хотя, с механической точки зрения, соединение трех костей почти идеально. Придумано прочно и надежно, даже красиво. Чего стоит одна радиальная связка. Приходится повозиться разъединяя все это. Крови не так уж много, значительно меньше, чем я ожидал. Пару минут – и дело закончено. Я зашиваю все, что можно зашить на скорую руку, не особенно стараясь, заворачиваю куртку так, чтобы она как можно плотнее прикрывала культю руки. Отрезанный кусок лежит здесь же. Его пальцы уже пожелтели.

– Что с этим делать? – спрашиваю я. – Возьмем с собой?

Она открывает глаза.

– Уже все?

– В общих чертах все. Будем брать твою руку или бросим ее здесь?

– Бросим здесь. Я не должна к ней прикасаться.

– Это настолько заразно?

– Да, – отвечает она.

– Тогда еще раз закрой глаза. Я зашью твою щеку.

Она подчиняется; и я зашиваю рану кетгутотом. На всякий случай. Да и выглядит щека теперь поприличнее. Каждый раз, когда я вонзаю иглу, Клара стонет. Она совсем не умеет терпеть боль.

– Нам еще далеко идти? – спрашиваю я.

– Совсем рядом.

Я беру ее за здоровый локоть и помогаю встать.

– Ты спас мою жизнь, – говорит она.

– Дважды, – уточняю я.

– Нет. Первый раз то было не в счет. Первый раз все было подстроено. Ты должен был затащить меня к себе и подключить к своей батарее.

– А если бы я повел себя иначе?

– Ты не мог вести себя иначе. Мы считывали информацию с твоего чипа. Это позволяет просчитать твои действия с точностью до одного шага. В чипе вся информация о твоих поступках начиная с того момента, когда ты впервые обмочил детскую пеленочку. Твои последующие поступки можно рассчитать с громадной вероятностью.

– Но ведь всегда есть элемент случайности.

– Конечно. Но краткосрочный прогноз все рано очень точен. Это все равно, что предсказывать погоду, когда ведешь облако со спутника.

– Ты не могла иметь информацию с моего чипа, – говорю я.

– Почему ты в этом уверен?

– Информацию получает только Фемида. Все остальное означает нарушение моих прав, а она не допустит такого нарушения моих прав. Она допустит многое другое, но только не это. Это невозможно.

– Скоро ты изменишь свое мнение, – говорит Клара.

Некоторое время мы молча идем по холодной улице, я поддерживаю ее за локоть. Мы идем на восток, и небо впереди уже совсем яркое – вот-то взойдет солнце. Я отламываю веточку с придорожного куста и начинаю жевать. Она достаточно мягкая и вкусная. Мой желудок прекрасно переваривает целлюлозу. Да и не только целлюлозу, я могу питаться любой органикой, вплоть до нефти и пластмасс. Честно говоря, больше всего я люблю сосновые опилки, залитые оливковым маслом. Сойдет и подсолнечное. Мои вкусовые рецепторы – грибовидные формации, вращенные в поверхность языка, позволяют ощущать до полумиллиона разных вкусов – роскошь, совершенно незнакомая самым изощренным гурманам древности. Я заменил свои зубы на искусственные сразу же после совершеннолетия, как только тело окончательно перестало расти. Мои резцы с изменяемой кромкой позволяют перекусить стальной прут в спичку толщиной; зубные корни прорастают мелкими ветвистыми корешками, как будто грибами, в пористую костную ткань, при потере зуба за несколько часов вырастает новый. В принципе, прочность моих зубов такова, что я могу разжевать даже бутылочное стекло. Кроме того, мои подъязычные железы мгновенно вырабатывают противоядие к любому яду и защиту от любой известной инфекции. Поэтому я люблю жевать веточки на ходу, особенно если давно не ел. Они перебивают аппетит не хуже, чем картофельные чипсы.

– Хочешь? – я предлагаю веточку Кларе.

– Я такого не ем, – отвечает она.

– А какое ты ешь?

– У меня слишком простая система пищеварения.

– Только не говори, что ты ее ни разу не модифицировала. Неужели?

– Именно так. Я могу есть только нормальные человеческие продукты – то, что ели люди в древности. Я ем картошку и мясо, пью молоко и кефир.

Я останавливаюсь и смотрю на нее почти с ужасом.

– Мясо? Ты ешь мясо?!!

В наше время синтетических продуктов никто не убивает животных ради еды. Существуют тысячи более вкусных вещей, чем мертвечина. В древности люди были вынуждены убивать четвероногих друзей, чтобы не умереть самим, но мне, честно говоря, даже трудно представить, как все это происходило. Ты выращиваешь поросенка, кролика или собаку, ласкаешь их и кормишь, а потом убиваешь и сразу же съедаешь их, аппетитно чавкая. Меня тошнит, как только я подумаю об этом.

– Да, я иногда ем мясо, – невозмутимо говорит Клара. – Если хочешь, я дам тебе попробовать.

9

Мы сворачиваем на боковую аллею. Сейчас Клара выглядит ужасно. Она бледна, как утренний снег. Она почти висит на моей руке и едва передвигает ноги. Ее кожа сморщилась, и сейчас эта женщина выглядит так, как будто бы ей сорок. Картину дополняет культия и огромный неровно зашитый шрам на щеке. Если так пойдет дело, то она состарится и умрет не позже, чем завтра. Поживем – увидим.

Мы входим в небольшой дворик, огражденный высокой бетонной стеной. Во дворике довольно много деревьев, кажется, это груши, старые груши с толстыми стволами.

– Нам сюда, – говорит она, – вон в ту дверь.

Но у двери нас уже ждут. Человек в темном пальто переминается, сторбившись, с ноги на ногу. На первый взгляд в нем нет ничего необычного. Клара даже не обращает на него внимания. Но я сразу вижу, что он ждет именно нас.

– Подожди, – говорю я. – Стань здесь и не приближайся.

– Что-то случилось?

– Мне не нравится этот андроид, – говорю я.

Я уже понял, что это не человек. За последний век тела людей стали очень похожими на тела машин, а тела машин – похожими на тела людей. Существуют люди, на девяносто процентов состоящие из механических деталей, и существуют машины, практически полностью состоящие из органических тканей. Но, все равно, одни прекрасно отличимы от других. Человек остается человеком, а андроид – андроидом.

– Гражданин кого-то ждет? – спрашиваю я.

Андроид выскальзывает из своего пальто, гибкий и быстрый, как пружина. Я мгновенно определяю тип тела – это то, что мы на профессиональном жаргоне называем «боевыми устрицами». Впрочем, не знаю, почему так повелось. Может быть, потому, что они не нападают в верхней одежде, предпочитают вначале ее снять. Может быть, кому-то это напомнило устрицу в раковине, я не знаю. Физически устрица в десять раз сильнее любого человека, в том числе и меня. Он намного быстрее и намного прочнее. Все его силовые блоки выполнены из армированного углепластика. Жизненные центры защищены легкими броневыми пластинами. Я вижу, как вспыхивает злобная радость в его глазах – он любит и умеет драться. Драка – единственный смысл его существования. Драка для него то же самое, что для нас любовь.

Но и на старуху бывает проруха. Одежда мешает их быстрым движениям, а на раздевание всегда тратится лишняя секунда или около того. За это время я успеваю выстрелить трех мошек. Трех достаточно, чтобы сковать его движения.

Каждая из электронных мошек на самом деле не больше спичечной головки. У меня в запасе целый магазин таких – девять штук – они помещаются чуть выше левого запястья вместе некоторыми другими полезными инструментами. Любой андроид имеет несколько уязвимых мест, доступных не столько человеку, сколько специальным электронным устройствам. Говоря по-простому, каждая из моих мошек может ужалить его так, что некоторые из нервных цепей будут непоправимо нарушены. Андроиды, в отличие от нас, не могут восстанавливаться полностью.

Теперь устрица борется с четырьмя противниками одновременно, это дает мне преимущество. Я мог бы выпустить и побольше мошек, но в этом случае они станут мешать друг другу, экранируя поля. Три – в самый раз.

Я бросаюсь на андроида, пока он не сделал этого первым. Нужно заставить его защищаться. В защите он слабее. Если не давать ему возможности для атаки, он держится всего несколько минут, а потом начинает творить явные глупости. Как и в любом бое, здесь выигрывает не столько физическая сила, сколько интеллект. По интеллекту андроид не может срав-

ниться даже со средней обезьяной. Все его человекоподобные действия – всего лишь имитация. Мой неожиданный бросок сбивает его с толку. Я успеваю сорвать одну из броневых пластин, прикрывающих его горло. Это неплохо, для начала. Посмотрим, что он предпримет теперь. Вряд ли это будет что-то новое.

Устрица прыгает на меня с быстротой молнии. Сейчас главное – это глаза. Мои не слишком хороши, но все же не подводят. Главное – сконцентрироваться так, чтобы увидеть движения врага. Устрица движется слишком быстро. Коэффициент разрешения моего глаза – девять тысячных долей секунды, при идеальной концентрации внимания. За это время ладони андроида успевают переместиться сантиметров на десять или на двенадцать. Я вижу их в виде серых облачков тумана. По форме они напоминают большие капли. Я уворачиваюсь от первого удара, помня, что устрицы всегда предпочитают финт: смотрят в одну сторону, а бьют в противоположную. Второй удар тоже не достигает цели – ладонь андроида врубается в ствол груши подобно топору. Летят щепки. Три ноль в мою пользу. Теперь нужно не упустить момент, когда устрица начнет нервничать. Сейчас проверим.

Выбросив стальной коготь, я пытаюсь зацепить его за горло. Мне все же удастся прикоснуться, потому что мошки действуют в такт с моими движениями – все три одновременно бросаются с разных сторон. Мой металлический коготь получает сильный электроразряд. Его отрезало будто электросваркой. Именно это мне и нужно. Режущий разряд означает, что андроид ушел в оборону. Я бью второй раз в то же место, но теперь с правой руки, там, где выбрасывается фиберглассовый коготь. А фибергласс электричество не проводит, его разрядом не возьмешь. Я вцепляюсь в грудную пластинку и повисаю на ней. Андроид начинает вращаться, и я взлетаю в воздух. Я вцепился крепко, так просто меня не сбросить. Движением рубящей конечности он отрезает мне кисть руки, и я по инерции отлетаю и ударяюсь о стену. Сейчас устрица пытается вырвать коготь, который все еще крепко держится, вонзившись в его механическую плоть. Маленький мешочек у основания когтя ритмично сокращается, впрыскивая одну порцию яда за другой. Устрица падает на колени; обеими руками он держится за обрубленную кисть, висящую у его горла. Мошки вонзаются в его шею сзади. Я встаю и подхожу к нему. Подхожу не слишком близко, ведь он опасен даже сейчас. Нужно подождать еще немного. Андроид валится на спину, и его глаза закатываются. Я знаю, что у него всегда есть в запасе один последний финт. Выворотив из бордюра бетонную плитку килограмм на шестьдесят веса, я бросаю ее на лежащего робота. Его руки взлетают, и плита разлетается на осколки. Меня едва не задевает летящим куском арматуры. Теперь все. Это было последнее, на что он был способен. Это называется посмертным ударом.

Большинство боевых машин устроены так, что, уже погибнув, они сохраняют способность ударить ее раз, обычно с близкого расстояния. Считается, что враг может приблизиться, чтобы проверить, действительно ли ты умер, или для того, чтобы сделать контрольный выстрел. Вот тогда он и получает посмертный удар. Иногда этот удар может быть отложен на несколько часов или даже суток. На следующий день враг решит убрать твоё тело с дороги, и в этот момент ты его убьешь. Идей неплохая, но есть одно «но»: иногда это удар достается не врагу, а другу.

Я потягиваюсь и прогибаю спину. Мне тоже досталось. Так просто, без потерь, никогда не выигрывается ни один бой с устрицей. Он все-таки здорово грохнул меня о стену. Если бы я не успел сгруппироваться и ударился головой, я бы имел серьезные неприятности, возможно даже перелом основания черепа. Да и сейчас несколько моих ребер сломано. Одно из них сломалось сразу в двух местах, вышло из связочного корсета и проникло во внутреннюю грудную полость. Без операции здесь не обойтись, хотя можно и подождать.

Я наклоняюсь к лежащему и снимаю висящую на его шее кисть руки. А вот здесь никакая операция не потребует, потому что кисти у меня съемные. Это очень удобно, потому что для разного боя нужно применять разное оружие. Все оружие никак не может поместиться

в одной единственной кисти. У меня дома осталось двенадцать разновидностей. А эта, что оторвалась сегодня, была самой простой, с минимальным набором дополнительных функций. Присоединив кисть, я оборачиваюсь и смотрю на Клару.

– Ты не ждала этого? – спрашиваю. – Это что-нибудь означает?

– Я не знаю, – отвечает она.

– И на том спасибо.

Андроид начинает медленно шевелиться. На самом деле сейчас шевелится не он, а только одежда на его груди. Из-под одежды выскакивает десятка два мелких существ, слегка напоминающих плоских многоножек. Они бросаются на лежащее тело и начинают его пожирать. Каждая из них стремится в первую очередь прогрызть голову и проникнуть в мозг. Или в то, что там имеется, заменяя мозг. Я спокойно смотрю на все это. Многоножки – это способ андроидов размножаться. Устрицы слишком сложны для того, чтобы их выпускали на конвейере, как автомобили или пылесосы. Гораздо проще оказалось дать каждому систему размножения. Не половую, конечно, половая означала бы слишком большую изменчивость. Когда устрица гибнет, из тела выходят многоножки и начинают бороться друг с другом. За несколько минут они поглощают большую часть тела своего родителя, а так же друг друга. Одна многоножка, раздувшаяся как мешок, уползает и прячется куда-нибудь в укромное место. Там она образует кокон, а из кокона, несколько недель спустя, выйдет новый андроид – уменьшенная копия своего родителя. Он будет еще расти и учиться, но это не займет много времени. Многоножки копошатся у моих ног. Новая жизнь, если только это можно назвать жизнью. Я вспоминаю те панцири, которые видел на заброшенной станции метро. Эти твари, кем бы они ни были, научились самостоятельно размножаться. Они плодятся, завоевывают пространства, один подземный горизонт за другим... Не стоит преувеличивать. Вряд ли это можно назвать жизнью. Одна разновидность технических устройств научилась воспроизводить сама себя. Или две. Или три. Или двадцать три.

На снегу осталось лежать пальто. Я поднимаю его и перебрасываю через руку. Потом помогаю Кларе подняться, потому что она уже сползла вдоль ствола дерева и села на снег. Мы входим в подъезд и, как ни странно, я не замечаю никакой опасности. Все чисто. Я имею вероятностный D-сканер, встроенный в висок и совместимый с большинством моделей глаз. Когда он включен, то реагирует на любую вероятную опасность, причем делает это гораздо лучше человеческого мозга.

Как ни странно, но мы не подходим к лифту, а спускаемся в подвал. Клара прикладывает ладонь к замку и отпирает древнюю пыльную дверь. Вокруг какие-то вонючие ящики. Очень много грязи. Мы входим, и Клара голосом включает свет. Помещение выглядит довольно просторным. Внутри все чисто, удобно, функционально. Она уже не держится на ногах. Я подхватываю ее на руки и несусь вперед. Открываю дверь ногой. Кладу ее на стол.

– У тебя есть батарея? – спрашиваю ее. – Где?

Она успевает мне сказать.

Минут через двадцать она приходит в себя. Сейчас она выглядит совсем молодой, лет на двадцать. Молодой и свежей, как будто только что искупалась в реке. Стала гораздо стройнее, чем раньше. Она внимательно рассматривает свою новую руку. Ногти на руке еще не отросли.

– Сколько тебе лет на самом деле? – спрашиваю я. – И зачем эта ерунда с изменением внешности?

– У меня нет возраста. Мне всего несколько дней, – отвечает она. – Два или три дня, не больше. Я ведь не человек. Ты еще не догадался?

– Догадался, но не был уверен. У тебя слишком человеческое тело для человека. Сейчас уже не осталось таких натуральных, неизменных людей.

Я разговариваю и одновременно зашиваю разрез на своей спине. К сожалению, до сих пор существуют люди, которые не могут почесать себе спину. Мои суставы позволяют делать

все. Я оперирую на своей спине так же легко, как и на любой другой части тела. Я уже поставил на место свое сломанное ребро.

– Если ты не человек, то, значит, машина, – говорю я. – Но я ведь могу отличить робота от биологического существа. Ты не робот, это точно.

– Не будем задавать сложных вопросов, – она встает и вдевает ноги в тапочки. – Я вижу, ты меня переделал. Конечно, ты раздел меня и смотрел на меня. Для того, чтобы определить, робот я или нет. Не вздумай воспользоваться моим телом, иначе я тебя убью на месте. Оно не для тебя. Что еще? Ах, да. Ты хорошо поработал и теперь можешь отдохнуть. Чуть-чуть. Мне понравилось, как ты себя вел. Понравилось все, кроме одного. Ты не захотел убить того старика, который в нас стрелял. Объясни. Иначе я тебя накажу.

– Ты не знаешь, что такое смерть? – спрашиваю я.

– Я знаю, что такое смерть. Это то, что ты сделал с андроидом. Смерть это исчезновение, это разрушение и больше ничего. Смерть – это то, что происходит с врагами, и что в конце концов когда-нибудь произойдет с тобой. Но то, что мешает, должно исчезнуть.

– Это твой лозунг?

– Нет, набор звуковых колебаний, – отвечает она и улыбается. – Как мы тебя раскрутили, а? Отлично?

Я сразу вспоминаю вчерашнюю девицу со змеиным телом и змеиным взглядом, которая брала у меня интервью перед боем. Вспоминаю две камеры, закрепленные на перилах – на случай, если интервью пойдет в объемном формате. Вспоминаю свой ответ ей. «Набор звуковых колебаний». Оказывается, меня начали вести еще тогда. А может быть, гораздо раньше.

– Отлично, – соглашаюсь я. – Вы начали еще вчера, в семь тридцать. За час до боя. Тогда, когда ко мне подошел тот тип и предложил нечестный бой. А я ведь сначала не почувствовал подвоха. Потом была разыграна комедия с нападением на меня. Столько народу, и все гонятся за мной. Но ведь меня на самом деле могли убить?

– Не могли. Все было под контролем.

– Ты не знаешь, о чем говоришь. Такие вещи не бывают под контролем! – Я начинаю заводиться. – Вы рисковали моей жизнью!

– Мы ничем не рисковали. Все было под контролем, – повторяет она.

– Полный контроль в такой ситуации могла гарантировать только сама Фемида, – предполагаю я, – она ведь читает наши чипы, и, говоря теоретически, могла бы...

– Вот именно, – подтверждает Клара. – Она могла бы организовать все, что только можно представить.

– Вы сумели к ней подключиться? Но это невероятно.

– К ней нельзя подключиться, – говорит Клара.

– Тогда в чем дело?

– Дело в том, что я и есть Фемида. В некотором роде.

Я могу поверить во многое, но только не в это. Фемида на самом деле это монструозная сеть, растянутая над человечеством для того, чтобы контролировать его криминальные желания и инстинкты. Фемида знает о нас все, подобно Богу, и, подобно Богу, она может судить и карать. Она может многое, но не может предстать в облике человека. Это исключено. Максимум – в виде НН-интерфейса.

– Я Наполеон, – отвечаю я. – В некотором роде. Пошли в психушку, полечимся, пока не поздно, а?

– Ты мне не веришь?

– Ни капли.

– Но у меня нет чипа, – говорит она.

У нее действительно нет чипа, и я не могу понять этого до сих пор.

– Может быть, ты инопланетянка, – говорю я.

– Хорошо. Тогда смотри. Подойди к окну.

Я подхожу к окну. Солнце уже встало, и деревья отбрасывают косые фиолетовые тени. Отличный новый день. То самое ощущение, что и в детстве, когда ты впервые учишь: «мороз и солнце, день чудесный». Снег под солнцем пылает бешеной желтизной. Я поправляю настройку своих глаз, и цвета сразу становятся на место. Первые прохожие уже спешат по своим делам. Впрочем, из полуподвального окна много не разглядишь.

– Видишь девушку с собакой? – спрашивает Клара. – Я могу рассказать о ней все. Я считываю информацию с ее чипа. Сейчас она поправила берет, правильно?

– Заставь ее сделать что-нибудь, – говорю я. – Ты можешь?

– Нет. Я могу лишь внушить ей некоторое желание, не очень сильное и не очень отчетливое.

– Тогда пусть она обернется и помашет нам рукой, – предлагаю я.

Девушка поворачивается и машет рукой кому-то.

– Тогда почему ты не смогла остановить карлика?

Я отхожу от окна, натягиваю майку, сажусь в кресло и задаю этот вопрос.

– Ты не знаешь, в каком мире ты живешь, – говорит Клара. – Ты живешь в иллюзорном мире.

– Этой фразой ты меня не удивишь. Я еще в детстве посмотрел все сто тридцать две серии «Матрицы», начиная с первых, которые шли не в объемном формате. Сейчас ты скажешь, что я живу внутри компьютерной программы? Что все эти люди на улице не настоящие?

– Большинство – настоящие, – говорит Клара, – такие же настоящие, как и ты. Ты знаешь, почему андройды не размножаются половым путем?

– Потому что сороконожки не станут бегать по улицам и искать друг друга, чтобы спариться. Это долго и неудобно. Это никому не понравится. К тому же, мы не смогли бы контролировать такое размножение. Может быть, где-то в заброшенных шахтах, глубоко под землей такое размножение и происходит. Я допускаю такую мысль. Техно-организмы способны к размножению. Но на наших глазах это невозможно.

– Сколько техно-организмов есть на земле? – спрашивает она.

– Этого никто не знает. Если говорить о высшем уровне, то есть не больше десятка сетей, подобных Фемиде, сотни и тысячи сетей поменьше, миллионы локальных микросетей, десятки миллионов бытовых роботов и андроидов, наверняка есть миллиарды мелких электронных клопов, которые не служат никакой цели и живут сами по себе.

– Это целый мир, – говорит Клара.

Я задумываюсь.

– Может быть.

– Это целая альтернативная биосфера, тебе не кажется?

– Допустим, – почти соглашаюсь я.

– Если бы Фемида захотела размножиться, то как бы выглядела ее сороконожка?

Интересная мысль.

– Ладно, – говорю я, – Я согласен, она бы выглядела в точности как человек. Любая крупная неподвижная сеть могла бы создать что-то вроде собственных половых клеток, внешне неотличимых от человека. Так, чтобы они могли свободно передвигаться и не привлекать внимания. Жить в наших городах. Разговаривать, смеяться, притворяться, что любят или ненавидят. Искать друг друга, а потом сливаться. Давать начало новой жизни. Я допускаю, что одна из половых клеток могла бы выглядеть в точности как молодая женщина по имени Клара – как та, что сидит сейчас передо мной. В этом случае женщина по имени Клара не имела бы чипа. Она умела бы делать некоторые фокусы, которые только что продемонстрировала мне. Я бы согласился считать тебя не симпатичной девушкой с высокой грудью и голубыми искристыми глазами, а уродливым подвижным сперматозоидом огромной механической твари, эта-

кой суперклеткой, которая ползает по планете в целях слияния с другой, такой же и столь же уродливой. Я бы согласился. Если только...

– Если только что?

– Если бы в этом была необходимость. Фемида занимает ровно столько пространства и использует ровно столько ресурсов, сколько ей нужно. Никто и ничто не мешает ей увеличиться в размерах хоть в десять раз, если только хватит нашей планеты. Ей не нужно размножаться. Да, и есть еще одна мелочь. Передвигаться на большие расстояния должны только половые клетки. Значит, должно существовать и существо противоположного пола. Фемида-два. Или она решила спариться с транспортной сетью? Представляю, какой уродец мог бы родиться от этой любви.

– Ты пока ничего не представляешь, – говорит Клара и меняет тему. – Я считаю, что нам пора позавтракать. Я чувствую жуткий голод.

Она выглядит обиженной, несмотря на то, что я сделал ей комплимент. Ее обидели мои слова об уродливом сперматозоиде. Это хорошо. Единственная война, которую я могу выиграть, это психологическая война. Пора начинать военные действия.

Конечно, она будет голодна после того, как, наконец, заработали батареи. Для того, чтобы нарастить новую руку, был израсходован весь ее жировой запас. Мне не нравится ее теперешняя стройность, если похудеть еще чуть-чуть, она станет похожа на живой скелет. Мы идем в соседнюю комнату; Клара открывает холодильник. Там ничего нет, кроме нескольких бутылок пива и груды консервов.

– Что ты будешь? – спрашивает она. – Я только не знаю, где консервный ключ.

Я открываю банку зубами. Отвратительный кислый запах бьет в нос.

– Что это?

– Консервированная говядина, – отвечает она, – правда, аппетитно?

Я бы так не сказал.

Она предлагает мне попробовать несколько кусочков. Я соглашаюсь. Не существует такой органической гадости, которая смогла бы меня отравить. Конечно, мне не доставляет никакого удовольствия поглощать мертвую полуразложившуюся ткань. Однако белки и жиры мой организм сумеет усвоить без труда. Пока я пережевываю свой кусок, она приканчивает всю банку. Мне приходится открыть еще одну. В ней то же самое вещество. Наши предки питались этим, но их желудки были устроены совершенно иначе. Клара получает явное удовольствие от еды.

Чтобы заглушить неприятный вкус, я беру со стола бумажную салфетку с цветной рекламной собачьего мыла и съедаю ее. На вкус она гораздо лучше, чем на вид.

– Теперь займемся, наконец, тобой, – говорит Клара.

– Со мной все в порядке, – отвечаю я.

– Тебя нужно модернизировать.

– Нет. Я в отличной форме. Ты же видела, как я разобрался с андроидом.

– То, что ты делал – это детский сад. Ты даже не представляешь, что значит драться по-настоящему. Ты не знаешь, с кем мы можем встретиться.

– Но я не хочу изменяться. Меня вполне устраивает сегодняшняя конфигурация.

– Это приказ! – говорит она, и я ничего не могу поделать. На самом деле моя конфигурация несколько устарела. Такие как я могли считаться самыми лучшими лет этак пять или шесть назад. Но прогресс не стоит на месте.

Мы проходим два довольно длинных коридора и попадаем в небольшое помещение без окон, в котором я сразу же узнаю операционную. Оборудования немного. Генератор искусственной крови (она поначалу имеет голубой цвет, а краснеет лишь за несколько суток), банки с биопластами (это вещество, на ощупь напоминающее пластилин; им можно залепить любую рану; любой величины, через несколько часов биопласт превращается в полноценную ткань)

и, конечно робот-хирург. Я не очень-то разбираюсь в их моделях, но этот мне кажется современным. Во всяком случае, мне нравится его дизайн.

Хирург берет лезвия и разворачивается ко мне. Он имеет множество рук, не меньше двадцати, и все эти режущие конечности могут работать вполне согласованно. Очень быстро и точно. Его лезвия не похожи на обычные скальпели: все они имеют разную форму.

– Ложись! – приказывает хирург.

Просто новогодняя елочка из ножей. Интересно, смог ли бы я с ним справиться? Скорее всего, нет. Он бы за секунду разделал меня на гуляш. Приходится ложиться.

Хирург быстро закрепляет мое тело металлизированными ремнями. Пристегивает все, в том числе и голову.

– Пока, пациент! – говорит Клара, – встретимся потом. Я не выношу, когда много крови. Вот, оказывается, как. Кто бы мог подумать?

– Останься, – предлагаю я. – Может быть, понадобится помощь. Подержишь какую-нибудь кишку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.